

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1⁽²⁾
весна — лето
2005

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Е.И. Кычанов.* «Яшмовое зеркало командования войсками лет правления Чжэнь-гуань» (1101–1113) 5
- Н.А. Добронравин.* Фула-хауса-арабская медицинская рукопись «Фә'ида ҳақйқа шурб ас-санә'» (из собрания СПбФ ИВ РАН) 35
- С.Б. Чернецов** Биография на службе агиографии: литературная судьба эфиопского святого Елисея, второго настоятеля Дабра Асбо, в позднейшей дабралибаносской житийной традиции 43

ТЕКСТОЛОГИЯ

- М.С. Пелевин.* Стихотворные фрагменты в афганских религиозно-дидактических сочинениях XVII в. (по рукописям из собрания СПбФ ИВ РАН) 66
- О.М. Чунакова.* Пехлевийские эпистолярные формулы 89
- Е.Ю. Кнорозова.* «Сны Южного старца» Хо Нгуен Чынга 93

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосроев.* Представления манихеев о времени 111
- К.А. Жуков.* Присоединение бейлика Кареси к Османскому государству (по данным османских хроник, эпиграфики и нумизматики) 127

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2005

<i>А.С. Мартынов.</i> Надписи и модели как памятники культуры (на материале традиционной китайской культуры)	131
<i>И.Т. Зограф.</i> Межуровневые связи и языковая интерференция (на материале документов монгольской канцелярии)	167
<i>Б.В. Норик.</i> Жизнь и творчество среднеазиатских историков литературы XVI–XVII вв. Хасана Нисари и Мутриби Самарканди	183

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>О.В. Васильева.</i> Восточные рукописные фонды Российской национальной библиотеки	217
<i>В.О. Бобровников.</i> Каталог рукописей и старопечатных книг на арабском, персидском и тюркских языках из Кабардино-Балкарии	239
<i>Ю.А. Иоаннесян.</i> Санкт-Петербургская коллекция материалов по бабизму и религии бахаи (XIX — начало XX в.)	304

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Д.Д. Васильев.</i> О подготовке электронного каталога памятников письменности тюркоязычных кочевников Евразии эпохи раннего средневековья (по материалам коллекций российских музеев)	321
<i>Ц.П. Ванчикова.</i> Международный семинар «Письменное наследие монгольских народов: актуальные проблемы информационного обеспечения восточноведных исследований», Улан-Удэ, 2–6 августа 2004 г.	323

На четвертой стороне обложки:

«Пурпурный» Коран. Ок. 1440 г. Северная Африка. Из собрания П.П. Дубровского (к статье О.В. Васильевой)

Над номером работали:

Р.И. Котова
В.В. Волгина
Л.Л. Михалевский
Э.Л. Эрман
И.Г. Ким
О.В. Волкова
М.П. Горшенкова
А.В. Богатюк

РЕЦЕНЗИИ

<i>О.В. Васильева.</i> Л.В. Дмитриева. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук	327
<i>К.А. Жуков.</i> Восточный сборник. Вып. 6. Сост. и ред. О.В. Васильева	329
<i>Р.В. Березкин.</i> Чэ Силунь. Чжунго баоцзюань цзун му (Сводный каталог китайских <i>баоцзюань</i>)	331
Памяти коллеги Алексей Георгиевич Сазыкин (1943–2005)	335

Биография на службе агиографии: литературная судьба эфиопского святого Елисея, второго настоятеля Дабра Асбо, в позднейшей дабралибаносской житийной традиции

Первое по времени литературное упоминание о Елисее, втором настоятеле монастыря Дабра Асбо, основанного св. Такла Хайманотом и впоследствии переименованного в Дабра Либанос¹, мы встречаем в «Житии» третьего настоятеля этого монастыря — Филиппа Дабра-Либаносского (ок. 1274–1348). Автор «Жития Филиппа Дабра-Либаносского», которое было написано между 1424 и 1426 гг.², изображает своего героя любимым учеником Такла Хайманота, который «угоден ...был ему во всех своих делах и в послушании ему, и он благословлял его всегда»³. Однако перед смертью св. Такла Хайманот неожиданно объявил своим преемником не Филиппа, а Елисея. «И он не напомнил им о Филиппе, так как знал, что Бог после Елисея утвердит память имени его в род и род»⁴. Далее, однако, глава 7-я целиком посвящена именно Елисею. Ее текст настолько интересен, что заслуживает быть приведенным целиком: «И этот Елисей угождал Богу во всяком подвиге. И он не ложился во все дни свои, и когда хотел спать, садился на подставку и дремал вследствие утомления плоти и сам говорил: „не следует монаху умножать сон и рождать сновидения“, и он сокрушался душою и изнурял члены и не наполнял чрева едой никогда во все дни своей жизни. И когда они так пребывали, оплакивая смерть отца своего, преставился один диакон. Омыли тело его, и когда несли его погребать, он двинулся на своем ложе. Затрепетали видевшие это, и положили его вместе с ложем и сняли с него поспешно погребальные пелены. Он вздохнул трижды. И сказали ему братья: „что ты скажешь, и где ты?“ Он сказал им: „отец наш Такла Хайманот послал меня, говоря: „Елисей да отойдет ко мне, а Филипп да будет вместо меня на седалище моем, ибо он будет отцом многих народов и упасет стадо Христово в правде и истине“. И так сказав, он уснул, и погребли его братья честно. А Елисей преставился на третий день, и не знали братья, что он преставился, и увидели его у окна сидящим по обычаю, и сказали: „он устал теперь от многих постов; оставьте его, пусть отдохнет немного, ибо дни и ночи он бдит, стоя в посте и молитве“. И когда прошел час, и он не вышел, как всегда, они открыли двери кельи его и, войдя, нашли его преставившимся. И оплакали

Чернецов Сефир Борисович (15.12.1943–03.02.2005) — д.и.н., зав. отделом этнографии народов Африки МАЭ РАН.

Статья подготовлена к публикации С.А. Французовым.

¹ Обычно это название переводят как «гора Ливанская». Однако, скорее всего, его следует переводить как «монастырь (св.) Ливания», одноименный древнему северному эфиопскому монастырю Дабра Либаносу в Шимезана, названному так в память его основателя Ливания — одного из «девяти преподобных», принесших в Эфиопию институт монашества в VI в.

² *Derat M.L.* La formation du domaine royal éthiopien sous la dynastie salomonienne (1270–1527). Espace, pouvoir et monarchisme ("Thèse de doctorat présentée par Marie-Laure Derat sous la direction de M. le Professeur J. Boulegue. Université de Paris I — Panthéon Sorbonne. Centre de Recherches Africaines. U. F. R. d'histoire"). P., 1998. С. 188.

³ *Турцев Б.А.* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. С. 387.

⁴ Там же.

его братия и сказали: „иди, отче, куда ты позван; от труда к покою, от скорби к радости“. И погребли его честно в гробнице отца его Такла Хайманота 23 текемта... И был поставлен блаженный отец наш Филипп тогда, как сказал умерший...»⁵.

Что до Филиппа, преемника Елисея, ставшего третьим настоятелем Дабра-Либаносского монастыря, то его роль в истории обители весьма значительна, а его «Житие» представляет собою во многом необычное произведение эфиопской агиографии. Вот как Б.А. Тураев писал об этом: «Несомненно, мы имеем дело с повествованием о происхождении столь важного впоследствии сана эччеге⁶ и его одиннадцати наместников (pebiḡāna-‘ēd), „наставников“ отдельных благочиннических округов эфиопской епархии коптской церкви»⁷. На самом деле Филипп осуществил еще более решительное преобразование своего монастыря: он превратил келлиотскую обитель в общежитие, создав общежительный монастырь, который впоследствии развился в центр большой и влиятельной конгрегации. При жизни основателя монастыря, св. Такла Хайманота, и при втором его настоятеле, Елисее, этот монастырь, учрежденный на горе Асбо и называвшийся тогда Дабра Асбо, представлял собою типичную келлиотскую обитель, где его обитатели (мужчины и женщины) жили в отдельных пещерах, которые они вырубали для себя в скале. В одной такой пещере жил и сам св. Такла Хайманот, в пещере же он был и похоронен. Та же традиция келлиотского жития сохранялась и при недолгом настоятельстве Елисея. Когда же главою обители стал Филипп, то на просторном месте под скалой он построил новый (большой монастырь; половина осталась на той же скале, где жили они раньше у гроба отца нашего Такла Хайманота, кадя и бдя над ним в славословии многим... А умножившиеся монахи были поселены в том монастыре, который был построен под скалой. И установил он службы часов, когда надо им молиться»⁸. Таким образом, Филипп организовал, собственно, новый монастырь, уже не келлиотского, а общежительного типа, переселившись туда из прежней обители в скале и оставив за ней лишь значение почитаемой гробницы основателя, но не главного места жительства монахов. Насколько именно Филиппу удалось осуществить столь решительное нововведение от начала и до конца — вопрос открытый, поскольку его «Житие», в котором описывается это деяние, появилось через полвека после его смерти при шестом настоятеле Дабра Либаноса Иоанне Каме, когда общежительные порядки уже прочно утвердились в этом монастыре и воспринимались чуть ли не как изначальные.

В этих обстоятельствах агиограф Филиппа предпочел не подчеркивать новаторство своего героя, а напротив — выставить его верным последователем св. Такла Хайманота. Так, согласно «Житию», Филипп был просто вынужден перенести монастырь на новое место потому, что «собралось много монахов и монахинь к нему, так что не могла эта обитель вместить их»⁹. Далее, учредив новый, уже явно общежительный, монастырь, Филипп сам продолжал вести образ жизни прежних настоятелей и «не выходил из своей кельи никогда и пребывал в труде и посте и молитве, в молчании и изрядстве и совершенной любви»¹⁰, — образ жизни, едва ли возможный для дея-

⁵ Там же. С. 388.

⁶ *Эччеге* — это титул главного архимандрита Дабра-Либаносского монастыря, а впоследствии и всех монастырей Дабра-Либаносской конгрегации и настоятеля самой Дабра-Либаносской лавры. Начиная с XV в. сан *эччеге* стал действительно очень важен: по своему положению в эфиопской церковной иерархии он был вторым после митрополита лицом в Эфиопской церкви. В отличие от митрополита, который всегда был коптом, *эччеге* выбирался исключительно из эфиопского духовенства и являлся при дворе представителем национальной церкви.

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Там же. С. 389.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

тельного руководителя общежительного монастыря. Дальнейшая агиографическая традиция также старается по возможности сгладить решительность происшедших перемен. И здесь вставной эпизод о Елисее должен был убедить читателя, что настоятельство Филиппа, а следовательно, и осуществленные им реформы были санкционированы свыше самим святым основателем обители.

Этот вставной литературный эпизод, посвященный, собственно, не столько жизни, сколько смерти Елисея, любопытен также и тем, что в описании монашеского быта в нем фигурируют совершенно неэфиопские реалии. Настоятель Елисей жил в отдельной пещере так же, как его предшественник Такла Хайманот и все остальные монахи. Что представляла собою та подставка (ḡḡḡḡ), на которую он садился? Б.А. Тураев в своем переводе «Жития Филиппа Дабра-Либаносского» перевел это слово на русский как «подставка», что, вероятно, соответствует коптскому *шааф* (χαθισμάτιον) (a kind of reclining seat)¹¹ («сиденьице») — обычному месту отдохновения коптских монахов, которые «никогда не спали на боку». Однако это коптская монашеская реалья, а отнюдь не эфиопская. Далее, монахи видели умершего Елисея «у окна (ḡḡḡḡ ḡḡḡḡḡḡ) сидящим по обычаю», однако какое окно могло быть в его пещере? Затем они «открыли (ключом) двери его пещеры (ḡḡḡḡḡḡ : ḡḡḡḡḡḡ : ḡḡḡḡḡḡ)», что также несколько удивительно: неужели его пещера имела дверь, запираемую на замок? Эти обстоятельства наводят на мысль, что весь этот литературный эпизод, повествующий о благочестивой жизни и благочестивой смерти настоятеля Елисея есть заимствование из иностранной, вероятнее всего, коптской литературы. Как пишет А.Л. Хосроев, основательный знаток быта египетских монахов, «там, где мы встречаем описание кельи отшельников или монахов полуотшельнического типа, непременно говорится о ее двери, которая отгораживала их от внешнего мира и служила защитой от непрошенных гостей, будь то разбойники, нежеланные посетители или звери. Так, Афанасий рассказывает о том, что Антоний, начиная свою отшельническую жизнь, уединился в заброшенной языческой гробнице и, войдя внутрь, „закрыл за собой дверь“... которую он или сам соорудил, или купил. Когда Антоний находился внутри жилища, „дверь обычно была закрыта“... В нашем случае можно думать, что дверь Антония запиралась изнутри (на какой-то засов или т.п.), чтобы препятствовать проникновению внутрь посторонних. Даже если сам Афанасий и не видел этого жилища Антония, надо думать, что он описывал обычную практику египетских отшельников: заняв пещеру (зачастую заброшенную египетскую гробницу), они приделывали к ней дверь, которая была (иногда постоянно) закрытой, а с приходившими они общались через окно»¹². В «Житии» Филиппа этот вставной (и исключительно литературный по своему характеру) эпизод о Елисее имеет лишь то значение, что утверждает законность и предопределенность как самого настоятельства Филиппа, так и предпринятого им впоследствии реформирования внутренней организации Дабра Либаноса, т.е. Елисей играет здесь роль связующего звена между третьим и первым настоятелями этого монастыря, Филиппом и Такла Хайманотом. И в дальнейшем литературная судьба Елисея оказывалась тесно связанной с литературной судьбой Такла Хайманота.

Усилия Филиппа, направленные на создание вокруг Дабра Либаноса широкой конгрегации, построенной на особом культе св. Такла Хайманота, увенчались полным успехом, хотя и не при его жизни¹³. Результатом был широкий рост популярности

¹¹ Crum W.E. A Coptic Dictionary. Oxf., 1939. P. 55b.

¹² Хосроев А.Л. О двери в келью египетского монаха // Христианский Восток. 5 (XI) (в печ.).

¹³ Конец земной жизни Филиппа был трагичен. Его, вступившего в резкий конфликт с царской властью и отправленного в изгнание, побоялись принять даже в родном монастыре: «Когда царь изгнал отца нашего Филиппа, он пошел в место Царабт и хотел там прожить несколько дней. И сказали авве чада его: „зачем нам жить здесь? боимся мы царя, чтобы он не перебил нас из-за тебя, ибо слышали мы, что он уже сделал“. И сказал им блаженный Филипп: „если вы боитесь, я уйду для вас“. И потом встал он и сказал

св. Такла Хайманота, что вызвало потребность в новой (дабралибаносской) редакции его «Жития», этой популярности соответствующей. Причины последнего лежат в той особенности народного восприятия истории, о которой писал Аллан Хобен, известный исследователь и знаток эфиопского народа амхара, к которому принадлежал и сам св. Такла Хайманот, и большая часть его почитателей: «Большинство амхара мало интересуются прошлым как таковым. Для них главные события традиционной истории важны постольку, поскольку они отражаются на нынешней местности и имеют продолжение в настоящих административных и общественных отношениях. Современные отношения находят свое оправдание в ссылках на эти исторические события, и изменения в этих отношениях, особенно изменения, касающиеся до прав на землю, обычно влекут за собою и изменения в интерпретации „истории“»¹⁴. Такой «историей» были и жития святых, и было только естественно, что рост значения св. Такла Хайманота, ставшего фигурой общенационального масштаба, потребовал создания новой редакции его «Жития», этому масштабу соответствующей. В литературном отношении эти «изменения в интерпретации „истории“» в новой (дабралибаносской) редакции «Жития св. Такла Хайманота» оказались очень значительными, существенно изменившими прежний житийный стиль и канон. Одним из этих новшеств явилось широкое развитие такого элемента жития, как генеалогия святого, «сына Бога по благодати и сына Адама по плоти» (ወልደ : እግዚአብሔር : በጸጋ : ወወልደ : አዳም : በሥጋ). Прежде таких «родословий по плоти» в эфиопской агиографии не встречалось: приводились только «родословия духовные», или «родословия монашеские», где святого монаха возводили (по благодати, но отнюдь не по плоти) к египетским родоначальникам монашества — Антонию, Макарию и Пахомию; что же до его плотского происхождения, то упоминание о нем обычно ограничивалось именами непосредственных родителей святого. В новой редакции «Жития» генеалогия Такла Хайманота прослеживается до времен ветхозаветных. Вот генеалогия Такла Хайманота, представленная в рукописи Эф. 18 из собрания СПбФ ИВ РАН: (f. 9r. col. 2) ወኮነ : ጥንተ : መላዱ : ለዝንቱ : ቅዱስ : ሀገረ : ኢየሩሳሌም : እምደ[ወ]ለ : ፍልጥ : ዘፈለግ : ኢያሱ : መስፍን : ከመ : ትኩን : ከፍለ : ለሌዋውያን : ወይአቲ : ክፍል : ለሳዶቅ : ካህን : ወልደ : አብያታር : በመዋዕለ : ሰሎሞን : ንጉሥ : ሳዶቅ : ወለደ : ለአዛርያስ : ወሰሎሞን : ወለደ : ለአብነ : ሐኪም :: ዘበትርጓሜሁ : ወልደ : ጠቢብ : ወአንገሥ : ሰሎሞን : ለወልዱ : እብነ : ሐኪም ፤ ወፈነም : ብሔረ : ኢትዮጵያ : ከመ : ይንግሥ : ሳዕለ : ኩሉ : በሐውርቲሃ : ወለወልደ : ሳዶቅሂ : አዛር (col. 3) ያስ : ፈነወ : ምስሌሁ : ከመ : ይኩን : ካህነ : ከመ : አቡሁ : ወፅኡ : ኡ : (sic!) እምኢየሩሳሌም : ምስለ : ብዙ-ኀ : ሕግ : ወሥርዓት : ጽዮንሂ : ታቦተ : አምሳክ : እስራኤል : ወፅአት : ምስሌሆሙ : ብሔረ : ኢትዮጵያ : ወዲበ : ኩሉ : ንዋያ : ወመጋብርቲሃ : ሥሉጥ : ወአቲ : አዛርያስ : በከመ : ሕጎሙ : ለአቡዊሁ : ሌዋውያን : ወበጽሑ : ምድረ : ትግሬ : ወክሊርሙ : ወስቴታ : ኀዳጠ : መዋዕለ : አውሰበ : አዛርያስ : ወለተ : ፩ እምክቡራነ : ሀገር : እለ : ይብላዎሙ : ደቀ : መደባይ : ወወለደ : ወልደ : ወሰመዋ : ስሞ : ሳዶቅ : በስመ : አቡሁ : ሳዶቅ : ወለደ : ለሌሌዊ (sic!) : ወሌዊ : ወለደ : ለሕዝበ : ረዓይ : ወሕዝ (f. 9v. col. 1)

бывшим с ним: „пойдем в Ваша. Примут нас или не примут, я поклонюсь отцу моему Такла Хайманоту и облобызаю гроб его, ибо (близок) конец мой“. ...Там сказали ему тоже, что и раньше (?). Сказал им блаженный Филипп: „не печальтесь и да не постигнет разорение гроба отца моего; я уйду. Но только потерпите меня эту зиму до Иванова дня, а потом я уйду“. И сказали ему: „отче, да не будет так, ибо боимся мы весьма, как бы не прислал царь сегодня или завтра“. И услышав это, отец наш Филипп встал тотчас у гроба отца нашего Такла Хайманота, постучался в гроб его и сказал: „отче, вот я скончал течение мое и исполнил служение мое, и пришло время моего упокоения. Ныне я разлучаюсь от тебя, но да придет на меня благословение твое, и не удали меня от милости твоей“. И так сказав, он облобызал гроб отца нашего Такла Хайманота и вышел. И сказал он чадам своим, которые остались в монастыре: „отселе вы не увидите плоти моей“» (Турпаев Б.А. Исследования в области агиологических источников. С. 426).

¹⁴ Hoben A. Land Tenure among the Amhara of Ethiopia. Chicago, 1973. P. 83.

በ : ረዓይ : ወለደ : ለሕዝበ : ዋሒ : ወክረ : እሉ : ካህናት : እንዝ : ይሜህሩ : ሕገ : ኦሪቶሙ : ለኩሉ : ሰብአ : ኢትዮጵያ : ለእለ : ይትጋብኡ : ጎበ : ንጉሥ : በከመ : ግብሮሙ : ለካህናት : ደብተራ : ወእስከ : አሜሃ : ኢተወልደ : ክርስቶስ : ወበ፲፪ ዓመት : እምጸኣቶሙ : እምግብጽ : እንዝ : ጢባርዮስ : ንጉሠ : ሮሜ : ወእንዝ : ሄሮድስ : ንጉሠ : ግሊላ : ወእንዝ : ባዜን : ንጉሠ : ኢትዮጵያ : ወእኪን : ካህን : በውስቴታ : ተወልደ : ንጉሥነ : ኢየሱስ : ክርስቶስ : በቤተ : ልሔም : ዘይሀዳ : ወእኪን : ካህን : ወለደ : ለስምዖን : ወስምዖን : ወለደ : ለእንበሪም : ወእምድ (col. 2) ጎረ : ዓርገ : እግዚእነ : ኢየሱስ : ክርስቶስ : በ፪፻ ዓመት : መጽአ : ነጋዲ : እምኢየሩሳሌም : ወምስሌሁ : ፪ ደቂቅ : ስሙ : ለ፩ ፍሬ : ምናጦስ : ወለካልኡ : ሲድራኮስ : ወኃደሩ : ውስተ : ቤቱ : ለእንበሪም : ካህን : ወበይእቲ : ሌሊት : ሐመ : ነጋዲ : ወእምድጎረ : ጎዳጥ : መዋዕል : ሞተ :: ወእሙንቲስ : ደቂቅ : ልህቁ : በቤቱ : ለእንበሪም : ወእሐተ : ዕለተ : ይቤሎ : ፍሬ : ምናጦስ : ለእንበሪም : እእግዚእየ : አንስ : አክር : ግዕዝከሙ : ለሰብአ : ኢትዮጵያ : ግዝረተ : ወእምነተ : ክርስቶስ : ሀሎ : ጎቤከሙ :: ጥምቀትስ : ወቀረበ : ቍርባን : ኢሀሎ : ወይቤሎ : እንበሪም : ግዝረተስ : አም (col. 3) ጽኡ : ሌዋውያን : አብውየ : ወእምነተኒ : አምጽአ : ሕፅዋ : ለሕንደኬ : ንግሥት : ወለኮሂኦ : ጥምቀት : ወቍርባን : ኢተፈነወ : ሐዋርያ : ጎቤነ : ወባሕተ : ነፃ : አንተ : ሐር : ጎበ : ሊቀ : ጳጳሳት : ወንሥላ : መባሕተ : እምኔሁ : ከመ : ትኩነነ : ሐዋርያ : ወይቤሎ : ፍሬ : ምናጦስ : አሆ : ለቃልከ : እግዚእየ : ወወሀበ : እንበሪም : ለፍሬ : ምናጦስ : ወርቀ : ወብሩረ : ከመ : ይኩኖ : ሰንቀ : ለፍኖት : ወሐረ : ፍሬ : ምናጦስ : ኢየሩሳሌም : ወበጽሐ : ጎበ : ሊቀ : ጳጳሳት : አባ : አትናቴምስ : ወከሮ : ኩሎ : ግዕዝ : ብሔረ : ወሰሥረ : ሊቀ : ጳጳሳት : ተፈሥሐ : ጥቀ : ወሤሞ : ሎቱ : ከመ : ይኩን : (f. 10r. col. 1) ጳጳስ : ለኩሉ : ብሔረ : ኢትዮጵያ : ወሰመዮ : ስሞ : ሰላማ : ዘበትርጓሚሁ : ሰላማዊ : ማእከለ : እግዚአብሔር : ወሰብአ : አባ : ሰላማ : ብሔረ : አግዓዚ : በ፪፻በ፵ወ፩ ዓመት : እምልደተ : እግዚእነ :: ወበጽሐ : ጎበ : እንበሪም : ቅድመ : ወአጥመቆ : ወሤሞ : ሣመተ : ዲቂቄ :: ወበሳኒታ : ረሰዮ : ቀሲስ : ወወለጠ : ስሞ : ወሰመዮ : ሕዝበ : ቀድስ : ወይቤሎ : አጥምቅ : ኩሎ : ሰብአ : ወእምነትሕቲየ : ይኩን : ሥልጣንክ : ወይበለከ : ኤጲስ : ቆጶስ : ወኮሂኦ : ሥልጣነ : መባሕት : እምኔሁ : አጥመቀ : ኩሎ : ሰብአ : ወመሀሮሙ : ሃይማኖተ : ክርስቶስ : ወአሜሃ : ተጠምቁ : ሰብአ : ኖባ : (col. 2) ወሳባ ፤ ሰብአ : ኖግራን :: ወትግሬ : ሰብአ : አንጎት : ወእምሐራ : ወለቃ : ወቂታ : ወዘባጉደር :: ወኮነ : ኩሎሙ : ዓቢየ : ክርስቲያነ : በእደሂሁ : ለሕዝበ : ቀድስ : በመዋዕሊሆሙ : ለነገሥት : ጌራን : አብርሃ : ወአጽብሐ : ወሕዝበ : ቀድስ : ወለደ : ለሕዝበ : ባርክ : ወሕዝበ : ባርክ : መጽአ : እምትግሬ : ወክረ : ብሔረ : ዳውንት : እንተ : ትሰመይ : ባሕረ : ቀጋ : ወኒሥአ : ብእሲተ : እምሆየ : ወወለደ : ለተክለ : ቀዓት : ወተክለ : ቀዓት : ነሥዓ (sic!) : ብእሲተ : እምነ : አምሐራ : እንተ : ትሰመይ : መቅደሳ : ወወለደ : ፯ ደቂቀ : ወልህቁ : በውስቴታ : ወእስከ : ይእኬ : ይእቲ : ርስቶሙ : ወይትብህሉ : ፯ አብያተ : ዲያቆና (col. 3) ት : ካህናተ : ደብተራ : እሙንቱ : ዘሀገረ : ጽዮን : ወ፩ እምኔሆሙ : ዘስሙ : ዓጽቀ : ሌዊ : አጥመቆሙ : ለሰብአ : ወለቃ : ወለቤተ : አምሐራ : ለሰብአ : መርሐ : ቤቱ : ወለመንዝነ : ወውእቱ : ዓጽቀ : ሌዋ : ነሥአ : ብእሲተ : እምሐርበ : ግሼ : ወወለደ : ለአባ : ይድላ : ዘበትርጓሚሁ : ይሐር : ከመ : ይኩን : አባ : ለብሔረ : ሼዋ : ብሂል : እስመ : መንፈስ : ትንቢት : ይነብብ : ውስተ : አፋሆሙ : ለሰብአ : አምሐራ : ዘተናጉ : ነገር : ይከውን : በጊዜሁ ፤ ወለአባ : ይድላ : ፈነዎ : ድግናይዛን : ንጉሥ : ብሔረ : ሼዋ : ምስለ : ፻ወ፱ ካህናት : ክቡራን : ሌዋውያን : እለ : ይነበሩ : በመናብርት : ከመ : ያጥምቁ : ኩሎ : ሰብአ : ለእለ : ይነበሩ : ውስቴታ : ወሊቆሙስ : አባ : ይድላ : ውእ (f. 10 v. col. 1) ቱ : ወበጺሐሙ : ሸዋ : ክበረ : አባ : ይድላ : ብሔረ : ጽላልሽ : ወአጥመቀ : ብዙኃነ : ሰብአ : በውስቴታ : በ፲፪፻ ወበበ (sic!) ፩፻፲ በኢሐቲ : ዕለት : ወተሐንጽ : አብያተ : ክርስቲያናት : ብዙኃት : በምድረ : ሸዋ : በመዋዕሊሆሙ : ለእሙንቱ : ካህናት : እስመ : ታቦታ[ት]ሂ : ወንዋየ : ቅድሳት : ወኩሉ : መጻሕፍተ : ቤተ : ክርስቲያን : መጽኡ : እምአምሐራ : በትእዛዘ : ድግናይዛን : ንጉሥ : ምስለ : እሉ : ካህናት : ወውእቲስ : አባ : ይድላ : ኃረየ : ምድረ : እምነ : ጽላልሽ : ዘስማ : ዞረሬ : ወክረ : ውስቴታ : ወኒሥአ : ብእሲተ : እምክቡራነ : ሀገር : ወወለደ : ለሐርበ : ጎሽ : ዘውእቱ : ሕይወትነ : በጽዮን : ወበ (sic!) ሕ (col. 2) ይወትነ : በጽዮን : ወለደ : ለበኩረ : ጽዮን :: ወበኩረ : ጽዮን : ወለደ : ለሕዝበ : ቀድስ : ወሕዝበ : ቀድስ : ወለደ : ለብርሃነ : መስቀል : ወበውእቱ : መዋዕል : ፈለሰት : መንግሥት : እምእስራኤል : ጎበ : ነገደ : ሄጳጸ : ዘውእቶሙ : ዛጉይ :: ወብርሃነ : መስቀል :

ወለደ : ለሕይወት : ብነ : ወሕይወት : ብነ : ወለደ : ለዘርእ : ዮሐንስ : ዘውእቲ : ጸጋ : ዘአብ : ውእቲኤ : አበ : አቡነ :: ናሁ : አብጻሕነ : ልደቶሙ : ለሌዋውያን : አኮ : እንዝ : ነጋሥሥ : ከብረ : ልደቶሙ : እንዝ : ነጋሥሥ : አላ : ከብረ : አጥምቆቶሙ : ኪያነ : ሶበስ : ኃሠሥነ : ከብረ : ልደቶ (col. 3) ሙ : እምአይዳዕናከሙ : እንዝ : ናቀውም : ሰምዓ : እመጸሕፍት : ቅድመ : እምኦሪት : ወዳግመ : እመጽሐፈ : ነሥት : ወሣልስ : እመጽሐፈ : ታሪክ : ዘይነግር : ዜናሆሙ : ለአበው : ንጉሳ : እንከ : ከመ : ንጉግር : ዜና : አቡነ : ጸድቅ :¹⁵

«(f. 9r. col. 2) Стал местом происхождения сего святого град Иерусалим из пределов, что выделил Иисус [Навин-]князь, чтобы был он частью левитовой, а эта часть — для Садока-священника, сына Авиафара, во времена царя Соломона. Садок родил Азарию, а Соломон родил Эбна-Хакима, что означает „сын мудрого“. Сделал Соломон царем сына своего Эбна-Хакима и послал в область Эфиопскую, чтобы царствовал он надо всеми областями ее, а сына же Садока Азарию (col. 3) послал с ним, чтобы был он священником, как отец его. Вышли они из Иерусалима со многими законами и уставами. А Сион же, ковчег Бога Израилева, вышел с ними в область Эфиопскую. И во всех принадлежностях его и употреблении сведущ был Азария по закону отцов своих, левитов. Они достигли земле Тигрэ и жили там недолгое время. Взял в жены Азария дочь одного из знатных людей страны, которые назывались чадами Мадабайскими, родил сына и дал ему имя Садок, по имени отца своего. Садок родил Левия, а Левий родил Хэзба Раада, а Хэзба (f. 9v. col. 1) Раад* родил Хэзба Вахи; и жили эти священники, уча Закону Моисееву всех людей Эфиопии, которые собирались у царя, по обычаю священников скинии, покуда не родился Христос. А в 1000-м году от исхода их из Египта, при Тиверии, царе Рима, и Ироде, царе Галилеи, и Базене, царе Эфиопии, и Акине, священнике в ней, родился Царь наш Иисус Христос в Вифлееме Иудейском. А Акин родил Симеона, а Симеон родил Энбарима, а после того (col. 2), как вознесся Господь наш Иисус Христос, на 200-й год пришел купец из Иерусалима, а с ним два отрока: имя одному — Фрументий, второму — Седрах. Ночевали они в доме Энбарима-иерея, и в эту ночь заболел купец, а спустя некоторое время умер. Эти отроки выросли в доме Энбарима. Однажды сказал Фрументий Энбариму: „Господине мой, дивлюсь я обычаю вашему, людей Эфиопских: есть у вас обрезание и вера Христова, а крещения и преподавания Св. Тайн нет“. И сказал Энбарим: „Обрезание принесли (col. 3) левиты, отцы мои, а веру принес евнух царицы Кандакии, а для принятия крещения и Св. Тайн не было послано к нам апостола. Но ты вот пойдя к патриарху и получил от него разрешение, дабы ты был бы нам апостолом!“ И сказал Фрументий: „Ей, по слову твоему, господин мой“. И дал Энбарим Фрументию золота и серебра на пропитание в дороге, и пошел Фрументий в Иерусалим, и прибыл к патриарху авве Афанасию, и поведал ему весь обычай страны. И услышав, возрадовался патриарх весьма и поставил его, чтобы был он (f. 10r. col. 1) митрополитом для всей области Эфиопской, и нарек ему имя Салама, что означает „примиритель между Богом и людьми“, авва Салама страны геэзов, в 245-м году от рождения Господа нашего. И прибыл он к Энбариму сначала, крестил его и поставил в диаконы. А наутро сделал иереем и переименовал ему имя, и нарек Хэзба Кадсом, и сказал: „Крести всех людей, и подо мною пусть будет власть твоя и пусть называют тебя епископом“. И, получив от него поставление, крестил он всех людей и учил вере Христовой. Тогда крестились люди Нубии (col. 2) и Сабы, люди Награна и Тигрэ, люди Ангота и Амхары, и Валака, и Куата, и Забагудара. И стали все они большими христианами рукою Хэзба Кадса во дни царей благих Абрахи

¹⁵ Житие отца нашего Такла Хайманота. Рукопись Эф. 18 из собрания СПбФ ИВ РАН. F. 9r–10v.

* В тексте — Хэзба Раай (в обоих случаях), но это — явная ошибка переписчика, вызванная сходством знаков *дант* (в 6-м, но особенно в 1-м порядке) и *йаман* (в 6-м порядке). — С. Ф.

и Ацбахи. А Хэзба Кадс родил Хэзба Барака, а Хэзба Барак пришел из Тигрэ и поселился в области Даунта, которая называется Бахра Кага, и взял жену оттуда, и родил Такла Каата. А Такла Каат взял жену из [области] Амхары, которая называется Макдала, и родил семь чад, и выросли они там, и доныне она является их уделом, и называются они семью домами диаконов-(col. 3) иереев скинии Града Сиона. Один из них, по имени Ацка Леви, крестил людей Валака и Бета Амхары, людей Марха Бете и Манзеха. И этот Ацка Леви взял жену из Харба Гэше и родил авву Йидля, что означает „да идет он, дабы стать отцом области Шоа“, ибо дух пророчества вещал устами людей Амхары, которые говорили то, что сбудется во время свое. И авву Йидля послал царь Дегнайизан в область Шоа со ста пятьюдесятью иереями, честными левитами, которые пребывали в обителях, дабы крестили они всех людей, что живут там, а начальником их был авва Йидля (f. 10v. col. 1). И по прибытии их в Шоа, жил авва Йидля в области Целалиш и крестил там много людей: по 10 тысяч и по 20 тысяч в день единый, и возвел много церквей в земле Шоа во дни этих иереев, ибо таботы, и утварь священная, и все книги церковные пришли из Амхары по повелению царя Дегнайизана с этими иереями. И этот авва Йидля выбрал землю из [земель] Целалиш по имени Зораре и жил там. И взял он жену из знати страны и родил Харба Гоша, то бишь Хевотна Бацэйон, а (col. 2) Хевотна Бацэйон родил Бакуара Цейона, а Бакуара Цейон родил Хэзба Кадса, а Хэзба Кадс родил Берхана Маскаля. И в те дни перешло царство от Израиля к племени Хепаца, то бишь Загвеям. А Берхана Маскаль родил Хевотна Бэна, а Хевотна Бэна родил Зара Йоханнеса, то бишь Цага Зааба. Он-то и явился отцом отца нашего. Вот завершили мы родословие левитов, ища не славы рода их, но славы крещения нашего от них. Когда бы искали мы славы рода их (col. 3), то повествовали бы вам, предпосылая свидетельства от Писания: во-первых, от книг Моисеевых, во-вторых, от книг Царств, а в-третьих, от Книги истории, что излагает историю отцов. Поспешим же рассказать историю отца нашего праведного...»

Б.А. Тураев в своей докторской диссертации «Агиологические источники истории Эфиопии» отметил это агиографическое новшество в «Житии Такла Хайманота»: «Синаксарь даже прямо ставит его и генеалогически в связь с первыми проповедниками христианства в Эфиопии, а дабралибаносское житие приводит его полную генеалогию от первосвященников Садока и Азарии; последний со своими потомками выставляется проповедником в Абиссинии... Крайне характерно это стремление авторов житий подчеркнуть апостольство святого»¹⁶. Похоже, однако, что авторам здесь было важнее подчеркнуть связь Такла Хайманота не столько с «первыми проповедниками христианства в Эфиопии», сколько с родом левитов (подобно тому как знаменитый эфиопский династический трактат «Слава царей» подчеркивал принадлежность эфиопской царской династии к роду ветхозаветных царей Давида и Соломона), а также то обстоятельство, что израильский родоначальник Такла Хайманота Азария пришел в Эфиопию из Израиля вместе с родоначальником правящей династии Менеликом I, сыном царя Соломона и царицы Савской: первый «от предела Левина», а второй — «от предела Иудина». Этой генеалогией агиограф вписывал весь род Такла Хайманота как в священную, так и в эфиопскую историческую традицию, включая такие ключевые ее элементы, как миф о происхождении эфиопской династии от царя Соломона Иерусалимского, историю Филиппа, внуха царицы Кандакии (Деян. 8, 27–39), и крещения Эфиопии Фрументием. Однако при помощи этой генеалогии составитель дабралибаносской версии утверждал права на гегемонию в области церковной всего рода Такла Хайманота. Его же личные права (а следовательно, и права основанного им монастыря) на исключительное положение в этой области

¹⁶ Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников. С. 97–98.

нужно было доказывать особо. Собственно, этой цели и должны были служить уже не столько генеалогические, сколько «биографические» подробности святого, появившиеся в новой редакции «Жития св. Такла Хайманота».

О биографическом элементе в эфиопской агиографии Б.А. Тураев писал: «Жития писались в монастырях, бывших местами подвигов святых уже в последний период их жизни; писались они не всегда тотчас по кончине и не всегда непосредственными учениками, писались лицами, которые если и не были сами свидетелями подвигов святых, то могли узнать о них или из рассказов у старцев, или из монастырских записей. Но сведения таким путем они могли получить большей частью опять-таки только о жизни святых в монастыре. Вот почему части, повествующие о домонастырском периоде жизни святых, отличаются нередко шаблонностью и изобилуют общими местами. Здесь-то именно и оказывает услугу авторам их начитанность. Мотив праведности родителей и „не бе има чада“ подозрительно часто находит себе место в житиях; он идет, конечно, не столько от пр. Самуила и Иоанна Крестителя, сколько от Макария Египтянина, Даниила Столпника и особенно Шенути»¹⁷. И вот этот-то шаблонный мотив праведности родителей в дабралибаносской редакции «Жития Такла Хайманота» разрастается в увлекательный роман о родителях святого. Начинается все достаточно обычным повествованием о благочестивой супружеской жизни священника Цага Зааба, будущего отца Такла Хайманота, и его жены Эгзиэ Харайя, счастье которых было омрачено лишь бездетностью их брака. Однако далее с приключенческой быстротой начинают нарастать события, которые ниже приводятся с вынужденными сокращениями: (f. 12v. col. 2) ወእንዝ : ሀለው : ከመዝ : ተንሥኦ : ፩ ዕልው : ዘስሙ : ሞተ : ለሚ : ወሰማ : ለእሙ : እስለንደኒ : ወግሠ : በፈቃዱ : ላዕለ : ኩሉ : በሐውርተ : ዳሞት : ወበሐውርተ : ሼዋ :: እስከ : ወሰነ : እምሐራ : ኀበ : ፈለገ : ዓባይ : እንተ : ትሰመይ : ገጭ : ወነሰተ : አብያተ : ክርስቲያ[ና]ት : ወሰገደ : ለጣዖት : እንዝ : ይብል : አንትሙ : ፈጠርከሙኒ : ወእንትሙ : ኃይልየ : በውስተ : ፀብእ : ወአማሰነ : ኩሉ : ሕገ : እግዚአብሔር : ለሰዩማነ : ሼዋ : ወይቤሉሙ : እምጽኡ : አንስቲከሙ : ከመ : አውስቦን : ወይፈንው : ሎቱ : በበዕብራቶሙ : ፈሪሆሙ : ከመ : ኢይቅትሎሙ : እስ (col. 3) መ : ምሁረ : ፀብእ : ውእቱ : ከመ : ሰብእ : ቅንስጥቁስ* :: ወበእንተዝ : ግሠ : ላዕሌሆሙ : በኩናቱ : ወደናግልሂ : ኢተርፉ : በመዋዕሌሁ : እስመ : ያመጽኡ : ሎቱ : ዘተረክበት : ድንግልተ : ወያማሰን : ድንግልናሃ :: ወእምነ : ምህርከሂ : ዘጸውው : ለእመ : ተረክበት : ድንግልተ : ያመጽኡ : ኪያሃኒ : ወያማሰና : ርኩሳ : ውእቱ : በኩሉ : ፍናዊሁ : ወጽሉእ : ኩሉ : ምግባሩ :: ወበውእቱ : መዋዕል : በጽሐ : ምድረ : ጽላልሽ : ወዓገታ : ለምድረ : ዞረሬ : ወነጸረ : ጸጋ : ዘአብ : እንዝ : የዓገታ : ለሀገር : ወአእመረ : ከመ : ውእቱ : ዕልው : መጽኦ : ከመ : ይቅትሎ : ወጉየ : ፍ (f. 13r. col. 1) ጡነ : እምኤሁ : እንተ : ካልእት : ፍናት : ሮጸ : ፩ ሐራዊ : እምነ : ሐራሁ : ለሞተለሚ : እንዝ : ይጸዓን : ፈረስ : ገይደ : ወዳገኖ : ለጸጋ : ዘአብ : ከመ : ይቅትሎ : ወደርቦየ : ኩናቶ : ላዕሌሁ : ወኢረከቦ : ወሶበ : ፈቀደ : ከመ : ይደርቢ : ካልእ : ኩናቶ : ተጣበቀት : ኩናቱ : ምስለ : እራሁ : ወኢተክህሎ : ይደርቢ : ላዕሌሁ :: እንዝ : ይዳግኖ : ላዕሌሁ : ሐራዊ : በጽሐ : ጸጋ : ዘአብ : ኀበ : ቀላየ : ማይ : ወተወርወ : ውስቲታ : ከመ : ዕብን : ወዘንተ : ርእዮ : ሐራዊ : ቆመ : በድንጋገ : ፈለግ : ንስቲተ : ከመ : ይርእይ : ለእመ : ይወፅእ : ጸቢቶ : ውስተ : ቀላየ : ባሕር :: ወሶበ : ኢወፅእ : ሎቱ : ተመ (col. 2) ይጠ : ውስተ : ሀገር : ከመ : ይማህርከ : ጼዋ : ዘረከበ : ወጸጋ : ዘአብስ : ካህን : ንጹሕ : ብዊኦ : ውስተ : ቀላየ : ባሕር : ኢርእየ : እመሰና : አላ : ኮት : ሎቱ : ይእቲ : ቀላይ : ከመ : ሐይመት : እንተ : ድሉት : ለማነድር : እስመ : ሚካኤል : ሊቀ : መላእክት : የዓቅቦ :: ወአሜሃ : በዓሉ : ውእቱ : ለሚካኤል :

¹⁷ Там же. С. 27–28.

* В современных стандартных изданиях эфиопской Библии — ቅንሳጥቁስ, в издании А. Дилльмана — *q̄nṣāṭ* (*Veteris Testamenti Aethiopici t. II* / Ed. A. Dillmann. Lipsiae, 1861. P. 52). Правда, в его словаре дана помета *cum variotionibus* и указано, что речь идет об искаженном греческом ἀκοινωσις «копьеметатели» из I Царств 31, 3 (*Dillmann A. Lexicon linguae Aethiopicae*. Lipsiae, 1865. P. 1403). В толковании этого слова как «лучники» эфиопская традиция следует, однако, не LXX, а масоретскому изводу. — С. Ф.

አመ : ፲ወ፪ ለወርቃ : መጋቢት : ወባሕቱ : ውእቱሰ : ኢይሬእዮ :: አላ : ኮነ : ይኬልሕ : በውሣጤ : ባሕር : ወይብል : ኦሚካኤል : ተስፋዮ :: ኦሚካኤል : ረዳእዮ ፤ ኦሚካኤል : ፀወንዮ : አይቱ : ሀሎ : ጽንዕከ : አይቱ : ሀሎ : ኃይልከ ፤ ወአይቱ : ሀሎ : ተአምረከ : ናሁ : በጽሐ : ላዕሌዮ :: ሞት : ዮም : ዕለተ : ምምዓ : ዮም : ዕ (col. 3) ለተ : ምንዳሴ :: ዮም : ዕለተ : ምንሳዌ : ኮነ : ላዕ[ሌ]ዮ : በበዓልከኑ : እምታስተፌሥሐኒ : ታኅዝኒ :: ... ወውእቱ : ጊዜ : አስተርእዮ : ሚካኤል : ገሃደ : ወይቤሎ : ጸጋ : ዘአብ : ምንተ : ያበክዩከ : ናሁ : አነ : ሚካኤል : አዓቅበከ : ... ውእተ : ጊዜ : ይጸንዕ : ተአምር : አከ : በእንቲአከ : ወባሕቱ : ዘአድኅከ : አላ : በእንተ : (f. 13v. col. 1) ወልድከ : ጎሩይ : ዘሀሎ : ውስተ : ሐቋከ : ... ወአውፅእ : እምባሕር : ወአብአ : ውስተ : ቤተ : ክርስቲያን : ዞረሬ : ወተሰወረ : እምኔሁ : ወረከበ : ጸጋ : ዘአብ : ናሁ : ኮነት : ሀገሩ : ብዳተ : ወተመዝበረት : ቤ (col. 2) ተ : እግዚአብሐር : ሂ ፤ (sic!) ወአብያተ : ሰብእሂ : ተመዝበረ : ወጸንዓ : ላዕሌሁ : ብካይ : እምዘ : ቀዳሚ : ሰብእ : ሀገርሂ : ተዔወው : ወእንሰሳሂ : ኢተርፈ : ውበእሲቱሂ : ተዔወወት : ምስሌሆሙ : በይእቲ : ዕለት : አመ : ፲ወ፪ ለመጋቢት : ... ወለእግዚእ : ኃረያሰ : አመ : ዔወወዋ : ነሥእዋ : ሐራ : ሠገራት : ወወሰድዋ : በዕበይ : ወበክብር : እንዘ : ይብሉ : ትከውኖ : ብእሲተ : ለእግዚእነ : ንጉሥ : እስመ : ጥቀ : ላህይት : ብእሲት : ይእቲ : ... (col. 3) ... ወገርዎ : ለሞተ : ለሚ : ወይቤልዎ : ብስራትከ : ንጉሥ : ብስራትከ : ረከብነ : ለከ : ብእ (f. 14r. col. 1) ሲተ : ወኢይትረከብ : ዘከማሃ : በኩላ : አብያተ : ነሥት :: ወለእመ : አውሰበከ : ኪሃሃ : ይሰግዱ : ለከ : ኩላሙ : አጽናፈ : ምድር :: ... (f. 14v. col. 2.) ... ወጸገቡ : እሙንቱ : ሰገራት : ወይቤልዎ : በኀኪ : እንግሥት : ጌሠመ : ንወሰድኪ : ኀበ : ንጉሥ : ይሬሰዩኪ : ብእሲቶ : ወይሰግዱ : ለኪ : ኩላሙ : እለ : ውስተ : መንግሥቱ : ... ኩላሙ : ኖሙ : ከቢቦሙ : ኪሃሃ :: ወበይእቲ : ሰዓት : ተንሥእት : ወአውፅእት : አልባሰ : ሠርጐ : እምላዕሌሃ : እንዘ : ትብል : ለእመ : ጸለይኩ : (col. 3) ምስለ : ዝንቱ : አልባሰ : ርኩስ : ኢይሰምዓኒ : አምላኪዮ : ወሰብሰት : አልባሲሃ : ዘቀዳሚ : ወሰገደት : ብዙኃ : እስከ : ተኃፋ : ወቆመት : ቅድመ : እግዚአብሐር : ወሰፍሐት : እደዊሃ : ወጸለየት : ከመዝ : እንዘ : ትብል : እአግዚእ : አምላከ : ኩላ : ፍጥረት : ዘኩላ : ትክል : ወአልቦ : ዘይሰአከ : ... (f. 15r. col. 1) ... ይእኬኒ : አንተ : ያስተርኢ : ኃይለ : አድኅኖትከ : ላዕሌዮ : ሀብ : ሰብሐተ :: ለሰምከ : እግዚእ : ወኢትግድፋ : ለዓመትከ : ግይርት : ውስተ : አፋሆሙ : ለተኳሉት : ወአንተሂ : ሚካኤል : ምንተኑ : አርምሞ : ወምንተኑ : ተጸምሞ : እንዘ : ይመጽእ : ላዕለ : ዓመትከ : ዝኩላ : ምንዳሴ : ረሰዕከኑ : ኪዳነ : ዘተካዩድኩ : ምስሌከ : ከመ : እግበር : ተዝካረከ : በጽሐኒ : ዝኩላ : ምንዳሴ : እምታክብረኒ : አኅሠርከኒ : እምታስተፌሥሐኒ : አኅዝክከኒ :: ሐሰ : ለከ : ሚካኤል : ኢግበር : ዘንተ : ... (col. 2) ... ወዘንተ : እንዘ : ትጽሊ : አስተርኢያ : ሚካኤል : ገሃደ : ወይቤላ : ሰላም : ለኪ : አቅድስት : አከ : ከመ : አሐጉላኪ : ዘኮነ : ዝኀር : አላ : ከመ : አርኢ : ጽንዓ : ፍቅርዮ : በላዕሌኪ : አከ : በእንቲአኪ : ባሕቱ : ዘትድኅኒ : እምንዳሴ : አላ : በእንተ : ወልድ : ዘሀሎ : ይትወልድ : እምኔኪ : ዘኢይከውን : ሄጠ : እንተ : ርእሱ :: ክብረ : ነሥት : ውበዕለ : አሕዛብ : ኢይከውን : መጠነ : አሐቲ : ጸበለ : ምድር : ዘይከይዳ : በእግሩ : ሕይወተ : ብዙኃን : ውእቱ : ወመፈውሰ : ድውያን : ሀሎ : ውስተ : እዲሁ : ወበእንቲአሁ : ትድኅኒ : እመንሱት : ... (col. 3) ... ወይእቲሰ : ኃይረት : ቀዊማ : ኩላ : ኑኃ : ሌሊት : ወጸቢሐ : ለብሰት : አልባሰተ : ሠርጐ : እምቅድመ : ይትነሥኡ : ሠገራት : ወተንሥኡ : ሰገራት : ወወሰድዋ : ኀበ : ንጉሥ : አሠርገዎሙ : በወርቅ : ወብብሩር : በከመ : እዘዘሙ : ትማልም : ... (f. 15v. col. 1) ... ወይቤሎሙ : ለሐራሁ : አማን : አማን : እብለከሙ : መዓደምተ : ብእሲተ : አምጸእከሙ : ሊተ : አነ : ወልደ : እስሰንደኒ : እሁብከሙ : ሢመተ : ዘዩአከለከሙ : ወለውላድከሙ : ወለዛቲ : ብእሲት : ዕቀብዋ : በሠናይ : ዕቅብት : ወኩላ : ዘፈቀደት : ግብሩ : ላቲ : እስከ : ትከውን : ንግሥተ : ላዕለ : ኩላ : ዘአጥረድኩ :: ... (col. 2) ... ወበጸሐነ : መልበረዲ : ቤተ : መንግሥትዮ ፤ በሀዩ : ታስተዋበቡኒ : በሕገ : አማልክትዮ :: ... ወይእቲሰ : ትበኪ : ብካዩ : ዕፀብ : በውስተ : ልባ : ወትብል : ኦሚካኤል : ማእኬኑ : ታድኅኒ : ናሁ : ቀርቦ : ዕለተ : ሐጉል : ወዘንተ : ትብል : ኩላ : ጊዜ :: ... (f. 16r. col. 2) ... ወተንሥኡ : ሞተላሚ : ወእንዘ : ይተልዎሙ : በጽሐ : ማልበረዲ : ... ወተቀበልዎ : ሰብእ : ሀገር : በፍሥሐ : ወበይባቤ : ... ወይቤሎሙ : አስተዳለውከሙኑ : ኩላ : ዘእዘዘከከሙ : ወይቤልዎ : እወ : ንጉሥ : ወይቤሎሙ : ማርያንሂ : ወሰብእ : ሰገል : ሂ : (sic!) ወኩላሙ : ሰብእ : ኪነት : ተጋብኡኑ : (col. 3) ወይቤልዎ : እወ : ወይቤሎሙ : ይእኬኒ : በልዎሙ : ለኩላሙ :

ተደለው ፡ ለጌሠም ፡ ከመ ፡ ንስግድ ፡ ለአማልክትዮ ፡ ወንግበር ፡ ሉሙ ፡ በዓለ ፡ ዓቢዩ ፡ እስመ ፡ እሙንቱ ፡ ያቀንቱነ ፡ ኃይለ ፡ በውስተ ፡ ፀብእ ፡ ወይቤልዎ ፡ አሆ ፡ ንግበር ፡ በከመ ፡ ትቤላነ ፡ ወቦአ ፡ ውስተ ፡ ቤተ ፡ መንግሥቱ ፡ መልበረዲ ፡ ወለእግዚእ ፡ ኃረዶ ፡ አዘዘ ፡ ከመ ፡ ያብእዋ ፡ ውስተ ፡ ካልእ ፡ ቤት ፡ እስከ ፡ ጌሠም ፡ ወውእቱስ ፡ ኃደረ ፡ ኩላ ፡ በይእቲ ፡ ሌሊት ፡ እንዘ ፡ ይሠርዕ ፡ ኩሉ ፡ ሠርዓተ ፡ መንግሥት ፡ ወኃራሁኒ ፡ ኢኖሙ ፡ እንዘ ፡ ያስተዳልው ፡ ማዕዳተ ፡ ወይጡብሉ ፡ ማጋዝእተ ፡ ወኮነ ፡ ጒልቆሙ ፡ ለኢለ ፡ (f. 16v. col. 1) ተጠብብሉ ፡ በይእቲ ፡ ዕለት ፡ ፳፻፪ወ፳፻፪ ፡ ወመባልዕትስ ፡ ዘተገብረ ፡ በይእቲ ፡ ዕለት ፡ ኢይትጳለቱ ፡ ብዝኹ ፡ ... (col. 3) ... ወሶበ ፡ ጸብሐ ፡ አዘዘ ፡ ከመ ፡ ያምጽእዋ ፡ ለእግዚእ ፡ ኃረዶ ፡ እስከ ፡ ቤተ ፡ አማልክት ፡ ወተለውዋ ፡ ወአምጽእዋ ፡ ተንሥአ ፡ ወሐረ ፡ ምስለ ፡ ኩሉሙ ፡ መኳንንቲሁ ፡ ውስተ ፡ ቤተ ፡ አማልክት ፡ ወተለውዎ ፡ ኩሉሙ ፡ ሠራዊት ፡ ወበጸሐ ፡ ውስተ ፡ ቤተ ፡ አማልክት ፡ ቆመ ፡ ውእቱ ፡ ቅድመ ፡ ኩሉሙ ፡ ገብአን ፡ ከመ ፡ ይሰግድ ፡ ለአማልክት ፡ ወከመ ፡ ያሰግዳ ፡ ለእግዚእ ፡ ኃረዶ ፡ ወያንግሣ ፡ ሳዕለ ፡ ኩሉሙ ፡ ምኩናን ፡ ወሶቤ (f. 17r. col. 1) ሃ ፡ ግብተ ፡ በረቀ ፡ መብረቅ ፡ እምሰማይ ፡ ወኮነ ፡ ፀዓዕ ፡ ወኩድጓድ ፡ ወተከውስ ፡ ኩሉ ፡ ኃይለ ፡ ሰግያት ፡ ወምድር ፡ ወወረደ ፡ ማኳኤል ፡ ሊቀ ፡ መላእክት ፡ ወነሥአ ፡ ለእግዚእ ፡ ኃረዶ ፡ እማእከሉሙ ፡ ወሐዘላ ፡ በከነፊሁ ፡ ወጸረ ፡ በእንግድዓሁ ፡ ወአብጽሐ ፡ እምድረ ፡ ዳሞት ፡ ምድረ ፡ ዞረሬ ፡ ጊዜ ፡ ፫ ሰዓት ፡ ዘዕለት ፡ አመ ፡ ፳ወ፪ ለወርቃ ፡ መጋቢት ፡ እንዘ ፡ የአጥን ፡ ጸጋ ፡ ዘአብ ፡ ወይትመሐለል ፡ በእንቲአሃ ፡ ወዓቀማ ፡ ጎበ ፡ ዓረፍተ ፡ ቤተ ፡ ክርስቲያን ፡ ወኃደጋ ፡ ህዩ ፡ ወዓርገ ፡ ሰማዩ ፡ ወሞተለሚስ ፡ ደንገፀ ፡ እምፍርሃተ ፡ መባርቅት ፡ ወኩድጓድ ፡ ወአንበዘት ፡ ነፍሱ ፡ ወእ (col. 2) ምሠራዊቱሂ ፡ ሞቱ ፡ እምግርማ ፡ ውእቱ ፡ መብረቅ ፡ ፲፫ ወእምነ ፡ ማርያን ፡ ፫፻ መኩ ፡ ይክል ፡ ነጊረ ፡ ግርማ ፡ ዘኮነ ፡ በይእቲ ፡ ዕለት ፡ ሳዕለ ፡ ውእቱ ፡ ዕልው ፡ ወሳዕለ ፡ ሠራዊቱ ፡ በከመ ፡ ተዓርወዩ ፡ ልበ ፡ ንጉሥ ፡ ናቡክደነ ፡ ጾር ፡ ፯ ዓመተ ፡ በእንተ ፡ ትዕቢቱ ፡ ከማሁ ፡ ተአንበዘ ፡ ልቡ ፡ ለሞተለሚ ፡ ፳፭ ዓመተ ፡ በእንተ ፡ ኃጢአቱ ፡ ...¹⁸

«(f. 12v. col. 2) И когда они так жили, появился один неверный, по имени Моталами, а имя матери его — Эсландани, и воцарился самочинно над всеми областями Дамота и областями Шоа до предела Амхары у большой реки, называемая Жема. Он разрушал церкви и поклонялся идолам, говоря: „Вы сотворили меня, и вы — моя сила в битве“. И нарушал он все законы Божии, а наместникам Шоа говорил: „Приводите ваших женщин, чтобы женился я на них“. И присылали они ему в черед свой, страшась, как бы не убил он их, ибо (col. 3) был он искушен в битве, как стрелки из лука (филистимские) (I Царств 31, 3). И потому воцарился он над ними копьем своим, и девиц не осталось во время его, ибо приводили к нему найденных девиц, и он нарушал их девство. И из полона захваченного, если были там девицы, их приводили к нему, и он нарушал их. Нечестив он на всех путях своих, и гнусны все дела его. В это время прибыл он в землю Целалиш и окружил землю Зораре. И Цага Зааб, посмотрев, что окружают селение, понял, что пришел этот неверный убить его, и бежал он от него (f. 13r. col. 1) скоро другой дорогой. Поскакал из войска Моталами один воин верхом и гнался за Цага Заабом, чтобы убить его. Он метнул в него дротик и не попал. А когда хотел он метнуть второй дротик, прилип дротик к руке его, и не смог он метнуть в него. Когда за ним гнался воин, достиг Цага Зааб бездны водной и бросился в нее камнем. Увидев это, остановился воин ненадолго на берегу реки, чтобы увидеть, не выплывает ли он из пучины воды. И когда не появился он (col. 2), вернулся тот в город захватывать полон, что там был. А Цага Зааб, иерей чистый, войдя в пучину водную, не претерпел никакого ущерба, но превратилась для него эта бездна в шатер, годный для жилья, ибо хранил его архангел Михаил. А тогда был праздник Михаила — 12-е месяца магабита. Но он не видел его, но стал кричать под водою, говоря: „Михаиле, надежда моя! Михаиле, помощь моя! Михаиле, оплот мой! Где же крепость твоя, где сила твоя, где чудеса твои? Вот, пришла на меня смерть. Днесь —

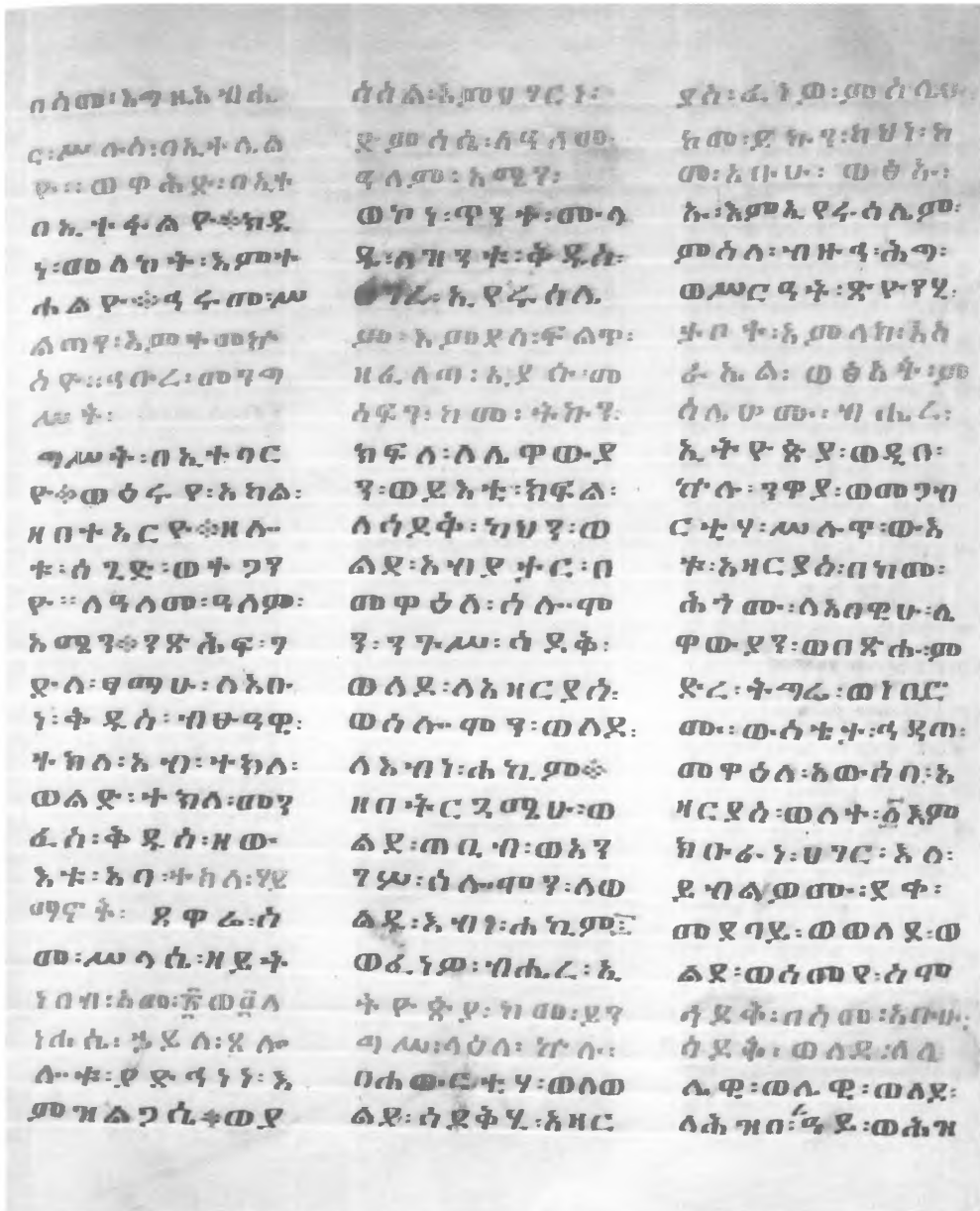

Рис. 1. Эф. 18, f. 9r

በፈላጊ፡ ወለደ፡ ለሐ
 ዝበ፡ ዋሐ፡ ወነበሩ፡ ኔ
 ሱ፡ ባህናት፡ ኔ፡ ዝ፡ ይ
 ሚህሩ፡ ሕ፡ ገ፡ ሕሪ፡ ዋ
 ሙ፡ ለኹሱ፡ ሰብክ፡
 ኢት፡ ዮ፡ ጵ፡ ያ፡ ለክሰ፡
 ይት፡ ጋብኡ፡ ሓ፡ በ፡ ዋ
 ጉሥ፡ በክሙ፡ ግብ
 ሮሙ፡ ለካህናት፡ ይ
 ብተራ፡ ወኔሐክ፡ ከ
 ሚሃ፡ ኢት፡ ወልደ፡ ነ
 ሮሐቶ፡ ወበ፡ ፪፡ ዓ
 ሙት፡ ኔም፡ ያክቶሙ፡
 ኔም፡ ግብ፡ ጵ፡ ኔ፡ ዝ፡
 ጢባር፡ ዮሐ፡ ዋ፡ ጉሥ፡
 ሮሚ፡ ወኔ፡ ዝ፡ ሄሮ
 ድሐ፡ ዋ፡ ጉሥ፡ ገሊሳ፡
 ወኔ፡ ዝ፡ ባዜ፡ ዋ፡ ጉ
 ሠ፡ ኢት፡ ዮ፡ ጵ፡ ያ፡ ወኔ
 ኪ፡ ነ፡ ነ፡ ህ፡ በውሐቲ
 ታ፡ ተወልደ፡ ዋ፡ ጉሥ
 ነ፡ ኢሳሱ፡ ክሮሐቶ
 ሐ፡ በቤተ፡ ልሒም፡
 ዘደህ፡ ያ፡ ወኔ፡ ኪ፡ ነ
 ህ፡ ወለደ፡ ለሐምዮ፡
 ወሐምዮ፡ ወለደ፡ ለ
 ኔ፡ ያበሪም፡ ወኔምድ፡

ሳረ፡ ዓር፡ ጉ፡ ከ፡ ግብ፡
 ኢሳሱ፡ ክሮሐቶ፡
 በ፡ ፪፡ ዓሙት፡ ሙድ
 ክ፡ ነ፡ ጋዲ፡ ኔም፡ ለ፡ ዮሐ
 ሳሊም፡ ወምሐሊህ፡
 ፪፡ ደቂቅ፡ ሐሙ፡ ለ፡ ፪፡
 ራምና፡ ጦሐ፡ ወልካል
 ክ፡ ሲድራኩሐ፡ ወህደ
 ሩ፡ ወሐተ፡ ቤተ፡ ለክ
 ያበሪም፡ ነ፡ ህ፡ ያ፡ ወበ
 ይክቲ፡ ሊሊት፡ ሐሙ፡
 ነ፡ ጋዲ፡ ወኔምድ፡ ሳረ፡
 ሳዳ፡ ሙዋሐ፡ ሙ
 ት፡ ወኔም፡ ያቶሐ፡ ይ
 ቂቅ፡ ልህቁ፡ በቤተ፡ ለ
 ኔ፡ ያበሪም፡ ወኔሐተ፡
 ሐሐተ፡ ይቤሉ፡ ፍራ፡
 ምና፡ ጦሐ፡ ለኔ፡ ያበሪ
 ም፡ ኔከ፡ ግብ፡ ከ፡ ሳረ፡
 ከነክሮ፡ ግሐ፡ ክሙ፡
 ለሐብክ፡ ሕት፡ ዮ፡ ጵ፡ ያ፡
 ግብ፡ ተ፡ ወኔምነት፡
 ክሮሐቶ፡ ሀሉ፡ ሳሊ
 ክሙ፡ ሙዋሐት፡
 ወቀሪ፡ በ፡ ተ፡ ሮ፡ ግብ፡ ኢ
 ሀሉ፡ ወደቤሉ፡ ኔ፡ ያበ
 ሪም፡ ግብ፡ ተ፡ ሳ፡ ከም

ጽኑ፡ ሊዋውደ፡ ያ፡ ከባ
 ውሮ፡ ወኔምነት፡ ከ
 ሙድ፡ ክ፡ ሕ፡ ሐ፡ ዋ፡ ለክዋ
 ደኪ፡ ዋ፡ ግሥት፡ ወለነ
 ሢክ፡ ሙዋሐት፡ ወቀ
 ሮ፡ ግብ፡ ኢት፡ ሳረ፡ ነ፡ ወሐ
 ሞሮ፡ ሳሊ፡ ወ፡ ግብ
 ት፡ ነ፡ ሳ፡ ኔ፡ ያቶ፡ ሐ፡ ሮ፡
 ሳ፡ በ፡ ሊቀ፡ ጳጳሳት፡
 ወ፡ ያሳክ፡ ሙዋሐት፡
 ከም፡ ሊህ፡ ነ፡ ሙ፡ ትኩ
 ነ፡ ነ፡ ሐ፡ ሞሮ፡ ወደቤ
 ሉ፡ ፍራ፡ ምና፡ ጦሐ፡ ከ
 ሆ፡ ለቃልክ፡ ከ፡ ግብ፡ ከ
 ዮ፡ ወወሀቦ፡ ኔ፡ ያበሪም፡
 ለፍራ፡ ምና፡ ጦሐ፡ ወ
 ሮቀ፡ ወነሩ፡ ራ፡ ክሙ፡
 ይኩ፡ ራ፡ ሳ፡ ያ፡ ለፍ፡
 ት፡ ወሐራ፡ ፍራ፡ ምና፡
 ጦሐ፡ ኢሳሱ፡ ሳሊም፡
 ወበ፡ ጽሐ፡ ሳ፡ በ፡ ሊቀ፡
 ጳጳሳት፡ ከ፡ ግብ፡ ከ
 ት፡ ወሐ፡ ወነ፡ ገሮ፡ ነ፡ ሆሉ፡
 ግሐ፡ ነ፡ ተራ፡ ወሐ
 ሚዳ፡ ሊቀ፡ ጳጳሳት፡
 ት፡ ሳሊ፡ ሙ፡ ሙ፡ ወሢ
 ሞ፡ ሉ፡ ት፡ ክሙ፡ ይኩ፡ ያ፡

Рис. 2. Эф. 18, f. 9v

Рис. 3. Эф. 18, f. 10r

Рис. 4. Эф. 18, f. 10v

день ужаса, днесь — (col. 3) день бедствия, днесь — день погибели настал для меня. В праздник ли твой удручаешь ты меня вместо того, чтобы радовать?“... И в это время явился ему Михаил явно и сказал ему: „Цага Зааб! Что ты плачешь? Вот, я, Михаил, храню тебя... На сей раз явится чудо не только тебя одного ради, которого спасаю я, но ради (f. 13v. col. 1) сына твоего избранного, что во чреслах твоих...“ И извлек его из воды, и ввел в церковь Зораре, и сокрылся от него. И обнаружил Цага Зааб: вот страна его пуста, и разграблена (col. 2) церковь, и дома людей тоже разграблены. И постиг его плач пуще прежнего: люди города угнаны в полон, и не осталось скота, и жена его тоже была угнана в полон вместе с ними в этот день 12-го магабита...

А что до Эгзиэ Харайя, то, когда угоняли ее в полон, взяли ее воины стражи и вели с почетом и честью, говоря: „Будет она женою нашему господину царю, ибо она женщина весьма красивая...“ (col. 3) ...И поведали они Моталами и сказали ему: „Благовестие тебе, царь, благовестие тебе! Нашли мы тебе (f. 14r. col. 1) женщину, подобной которой не найдется во всех домах царских. Если женишься ты на ней, поклонятся тебе все пределы земли“... (f. 14v. col. 2) И были удовлетворены эти стражники и сказали ей: „Привет тебе, царица! Завтра отведем тебя к царю; он сделает тебя своей женой, и будут поклоняться тебе все, кто в царстве его“... Все они заснули, окружив ее. И в этот час встала она и сняла одежды нарядные с себя, говоря: „Если буду я молиться (col. 3) в этих одеждах поганных, не услышит меня Бог мой“. И надела она одежды свои прежние, и клала поклоны многие, так что вспотела, и встала она пред Господом, и простерла руки свои, и молилась так: „Господи Боже всякой твари и всякого насаждения; нет для Тебя невозможного... (f. 15r. col. 1) ...Ты же ныне яви на мне силу спасения Твоего! Поддай славу имени Твоего, Господи, и не оставляй рабу Твою брошенной в пасти волков. А ты, Михаиле, что молчишь и что немотствуешь, когда все эти беды пали на рабу твою? Позабыл ли ты завет, что заключила я с тобой, что буду справлять я память твою? Постигли меня все эти беды, а ты вместо того, чтобы почтить, посрамляешь меня и вместо того, чтобы радовать, печалишь меня. Срам тебе, Михаиле, не поступай так!“ (col. 2) ...И когда она молилась, явился ей Михаил явно и сказал ей: „Мир тебе, о святая! Не затем, чтобы погубить тебя, случилось все это, но чтобы явил я крепость любви моей на тебе; не тебя одной ради будешь ты спасена от беды, но ради сына, которому предстоит от тебя родиться, цены которому не будет. Слава царей и богатство народов не будет стоять пылинки земли, которую будет попирает нога его. Он — жизнь многих, и исцеление болящим — в руке его, и его ради будешь ты спасена от напасти“... (col. 3) ...Она же простояла всю долгую ночь, а когда рассвело, надела она одежды нарядные прежде, чем поднялась стража. И поднялись стражники и отвели ее к царю, украсив золотом и серебром, как приказал он им накануне... (f. 15v. col. 1) ...И сказал он воинам своим: „Истинно, истинно говорю я вам: вы привели мне прекрасную женщину. Я же, сын Эсландани, дам вам должности, которых достанет и вам, и детям вашим. А эту женщину берегите бережением добрым, и исполняйте ей все, что она пожелает, покуда не станет она царицей надо всем, чем владею я... (col. 2) ...И когда достигнем мы Мальбаради, столицы моей, там жените меня по закону моих богов“... А она плакала плачем горьким в сердце своем и говорила: „Михаиле, когда же спасешь ты меня? Вот близок день погибели“. И это говорила она все время... (f. 16r. col. 2) ...И поднялся Моталами и вслед за ними достиг Мальбаради... Встретили его люди страны с радостью и кликами... И сказал он им: „Приготовили ли вы все, что я приказал вам?“ И сказали они: „Ей, царь!“ И сказал он им: „А колдуны, волхвы и все чародеи собрались ли?“ (col. 3) И сказали они ему: „Ей!“ И сказал он: „Ныне скажите всем: "Приготовьтесь назавтра, чтобы поклонились мы моим богам и устроили им праздник великий, ибо они препоясывают нас силой в битве"“. И сказали они ему: „Ей, сделаем, как

ты сказал нам“. И вошел он в столицу свою Мальбаради, а Эгзиэ Харайя велел он поместить в другом доме до завтра. Сам же он провел всю эту ночь, устанавливая весь устав воцарения, и воины его не спали, приготовляя трапезу и закалявая жирных тельцов, и было (f. 16v. col. 1) зарезанных в этот день числом 20 тысяч и 8 тысяч (тельцов). А множество яств, приготовленных в этот день, не исчислить... (col. 3) ...И наутро велел он привести Эгзиэ Харайя к капищу. Пошли они за ней и привели ее. Поднялся он, и пошел со всеми своими князьями к капищу, и следовало за ним все войско его. И, прибыв в капище, встал он пред всеми собравшимися, чтобы поклоняться богам, и заставить поклониться Эгзиэ Харайя, и воцарить ее над всеми своими подданными. И тотчас (f. 17r. col. 1) внезапно сверкнула молния с неба, и разразились гроза и гром, и поколебались все силы небес и земли, и сошел Михаил-архангел, и взял Эгзиэ Харайя из среды их, и умчал на крыльях своих, и нес на груди своей, и доставил из земли Дамот в землю Зораре в три часа дня 22-го месяца магабита, когда совершал каждение Цага Зааб и молил о ней, и поставил ее у стены церкви, и, оставив там, и вознесся на небо. А Моталами содрогнулся от страха молнии и грома, и умалилась душа его, а из (col. 2) войска его умерло от ужаса этой молнии тысяча, и из волхвов 3 тысячи. Кто возможет повествовать об ужасе, что был в тот день на этом неверном и на войске его! Как одичало сердце Навуходносора-царя на 7 лет из-за превозношения его, так пропало сердце Моталами на 25 лет за грехи его...»

Главная идея всего этого вставного эпизода «Жития» ясна: здесь устами архангела Михаила неоднократно и недвусмысленно возвещается сначала Цага Забу, а потом Эгзиэ Харайя об исключительном предназначении их будущего сына Такла Хайманота, с которым «не сравнится слава царей, и богатство народов не будет стоить пылинки земли, которую будет попирать нога его». Это предсказание относится уже к личности, а не к роду, отчего и повествование на этот раз имеет не генеалогический, а «биографический» характер, хотя и относится ко времени до рождения святого. Сами по себе утверждения, что святой герой жития «избран от чрева матери своей», были достаточно широко распространены и в предшествующей житийной литературе, но там все ограничивалось кратким упоминанием об этом; в дабалибаносской же редакции «Жития св. Такла Хайманота» этот мотив разросся до размеров пространного литературного сюжета. На взгляд нынешнего читателя сюжет этот вряд ли может рассматриваться в качестве элемента биографии святого. Не так, однако, смотрел на дело средневековый читатель и слушатель житий. Для него жития были не только святой правдой, но и реальной историей. Если эти «истории» были не вполне обычны и зачастую удивительны, то все это естественным образом объяснялось особой сущностью их героев, которые были святыми. Как известно, «дивен Бог в святых Своих». И чудес в житиях, действительно, много. Само их обилие наводит на мысль, что чудеса не просто служили доказательствами святости героя житийного повествования, но были необходимой *функцией* святого. При всем бесконечном разнообразии этих чудес можно заметить, что по характеру своему они распадаются на два типа: чудеса, совершаемые святым, и чудеса, которые совершаются над этим святым. Чудеса первого типа обычно носят довольно обыденный характер и не выходят за рамки повседневности: святой помогает бедной вдове отыскать потерянную единственную корову, святой так отводит глаза бессовестным вора, посягнувшим на монастырский скот, что те загоняют его в монастырский же хлев, думая, что прячут его у себя дома, и т.п. Чудеса же второго типа, т.е. чудеса, которые свершаются над самим святым и носят таким образом «биографический» характер, отличаются, напротив, грандиозными масштабами.

Б.А. Тураев с раздражением писал про «те бесконечные рассказы о явлениях Бога, Богоматери, святых и Ангелов по всякому, самому незначительному поводу и начи-

ная чуть ли не с младенчества святого... те упоминания о сверхъестественных хождениях в Иерусалим и ношениях по воздуху „на духовных колесницах“, которые так любят писатели, та едва ли не служебная роль, какую играют относительно преподобных даже Архангелы и Ангелы — все это коренится в свойственном... всему востоку неумении соблюдать масштабы, а также носит на себе печать упадка церкви и недомыслия ее деятелей. Насколько в данном случае, кроме влияния коптской литературы, сказалось воздействие нехристианских представлений и даже языческих переживаний, сказать мы не в состоянии, но... примеры их, правда, в более мягкой форме есть и в других агиологических литературах; абиссинам принадлежит только та утрировка, которая является столь характеристичной для многих сторон их церковной жизни»¹⁹. То, что маститый ученый назвал «утрировкой» и «неумением соблюдать масштабы», мы могли бы назвать мифологичностью и отметить, что, во-первых, это свойственно не только эфиопской житийной литературе, а во-вторых, что масштабы нарушаются лишь относительно личности самого святого. Да и есть ли здесь нарушение масштабов? Душа святого оказывается полем грандиозного противоборства сил Добра и Зла, и именно история этого противоборства есть предмет житийного повествования, которое сами эфиопы называют *ээдль*, т.е. «борением» (*ἔδδλ*), и именно это борение, а не биография святого является предметом описания агиографа. То, что это борение изображается грандиозным и мифологическим образом, только естественно, как естественно и то, что агиограф переносит действие в мифологическое пространство, как в случае с родителями Такла Хайманота — в языческий Дамот, где правит могущественный язычник легендарный нечестивец Моталами²⁰.

Впрочем, и более чем значительный объем, который занимает чудо с родителями святого (семь листов рукописи in folio), и его увлекательная беллетристичность резко выделяют дабралибаносскую редакцию «Жития св. Такла Хайманота» из всей предшествовавшей эфиопской житийной литературы. Разумеется, эти новшества (пространные родословия святого и увеличение элемента чудесного в повествовании) не были случайными и непреднамеренными: они вводились авторами ради вящей славы своего святого и растущей конгрегации его имени и этой цели достигали. Эта редакция «Жития св. Такла Хайманота» стала очень популярной и вызвала многочисленные подражания, для чего были причины не только литературного характера. Рост дабралибаносской конгрегации, ее влияния и могущества, увеличение числа монастырей, к ней принадлежавших, порождали и новые проблемы, в частности проблему

¹⁹ Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников. С. 47–48.

²⁰ Это имя, прочно вошедшее в эфиопскую житийную литературу и историческую мифологию, представляет собою сочетание сидамского титула *моте* и имени Лами, недаром иногда оно пишется в эфиопских житиях в два слова. Современный исследователь общества сидама, давно утратившего свою политическую независимость, Арне Толо приписывает *моте* в нынешних условиях («прежде всего ритуальную и посредническую функцию» третейского судьи внутри клана (см.: *Tolo A. Sidama and Ethiopian. The Emergence of the Mekane Yesus Church in Sidama // Studia Missionalia Upsaliensia* LXIX. Uppsala, 1998. P. 47). Однако в прежние времена сидамского могущества это была, судя по эфиопским источникам, довольно грозная фигура, обладавшая, кроме всего прочего, и значительной военной силой. Вот что пишет об одном таком *моте*, по имени Диламо, автор жития царя Иясу I (1682–1706): «...пошли они к *моте* по имени Диламо, который был по образу своему, превозношению сердца и силе мужества словно Голиаф-исполин, знаменитому и известному повсюду силою мужества своего и превозношением сердца. И если шел он на войну, прогонял один тысячи, и никто не мог устоять перед лицом его из витязей вражеских, но все трепетали и дрожали от ужаса его, как корова пред ликом льва грозного. И если ссорилось племя с племенем в области галлаской, приводили его в ту область и договаривались о воздаянии ему по сотне коров, чтобы он воевал и погубил врага их. Он же так и делал и получал воздаяние, как договаривались. Такова была его жизнь и бытие» (см.: Эфиопские хроники XVII–XVIII веков. Введ. и закл., пер. с эфиопского и коммент. С.Б. Чернецова. М., 1989. С. 270).

известного соперничества этих монастырей внутри самой конгрегации, проблему иерархии их настоятелей, как нынешних, так и прошлых. Это соперничество имело в том числе и агиографическое выражение, весьма заметное при изучении житий настоятелей тех монастырей, которые принадлежали к этой конгрегации. Литературная зависимость таких житий от дабралибаносской версии «Жития св. Такла Хайманота» вполне понятна, и авторы их охотно использовали для возвеличивания своих настоятелей такие приемы, явно позаимствованные из этой версии, как чудесные приключения героев и их генеалогии. Французская исследовательница истории дабралибаносской конгрегации Мари-Лор Дэра написала об этих настоятелях специальную диссертацию «„Чада“ Такла Хайманота», где есть особый раздел «Принадлежность к Дабра Асбо, или умелое использование генеалогий»²¹. В житиях этих «чад Такла Хайманота» их генеалогии использовались (точнее, изобретались) действительно умело, как показывает пример Жития св. Фаддея, настоятеля монастыря Дабра Марьям на озере Тана, где в генеалогию этого святого вплетено множество имен святых дабралибаносского круга, в том числе и Елисея, этого непосредственного преемника Такла Хайманота:

«Возвратимся же ныне к прежнему повествованию об отце нашем Фаддее-мученике. Затем пребывал он у отца нашего Хейвот Бэна Бэцейона, своего наставника в законе духовном и отца его отца плотского. И на 30-й год после того, как родился отец наш, родились многие чада родичей его святые: отец наш Такла Хайманот от Зара Йоханнеса, то бишь Цага Зааба, и авва Гонорий Старший, сын Зара Абрехама, и авва Хэцан Моа, сын Аркаледеса, и авва Матьяс, сын Йонаса-иерея, и авва Зена Маркос, Иоанн-иерей, прозванный Феодором, новым мучеником, и авва Такла Маскаль, сын сестры Хэцан Моа, и авва Такла Амин, сын брата Захарии, сына сына Хейвот Бэна Бэцейона, предка этих святых, и авва Самуил, сын Андрея, первого сына сего Захарии. И после того, как родились эти девять святых — отец наш Гонорий Второй, сын сестры аввы Такла Амина, и авва Евстафий, сын сестры аввы Матьяса, и авва Тасфа Микаэль, сын сестры Гонория Старшего, и авва Йохани, сын сестры отца нашего Хэцан Моа, и отец наш Маскаль Безана, сын брата аввы Фаддея Романйоса, и авва Зена Маркос, сын Зара Абрехама, Абрехам же отец Гонория, и авва Иосия, сын сестры сестры (sic!) Андрея, авва Самуил и авва Адхани, а он — сын сестры Андрея, который младше отца нашего Иосии.

Возвратимся же к родословию сего Фаддея, сына Романйоса, отца нашего. Когда возвратилась Марта от отца нашего Фаддея и от Хейвот Бэна Бэцейона, получив его благословение, соединилась она с Романйосом, мужем своим, по закону чистому, понесла и родила дочь прекрасную, и назвали ее Амата Эгзиабхер. И родилась она после рождения Фаддея на 21-й год. А на 8-й год после того, как родилась она, женился на ней Зэгна, царь Дамота, и родила она от него отца нашего Елисея после того, как отцу нашему Фаддею, брату ее, исполнилось тридцать лет. И тяжело у него было на сердце, ибо царь Зэгна поклонялся идолам, и сказал он однажды авве Елисею: „Принеси в жертву идолам начатки тельцов!“ И сказал Елисей: „Не буду я приносить жертву идолам, ибо мать моя была христианкой, дочерью иерея Романйоса, а брат ее — Фаддей, чистый от греха. И родичи мои не нечестивцы, как ты, но чистые, и приносят жертвы чистые, и зарезают скот от имени своего для бедных во имя Бога, Сотворившего их, дабы спас Он их от нападения бесов, любимцев твоих!“ И услышав это, разгневался отец его весьма и вошел к жене своей, матери Елисея,

²¹ Derat M.-L. Les “enfants” de Takla Haymanot: naissance et développement d’un réseau monastique au Chawa (Éthiopie) du XIIIe au XVe siècle (“Mémoire de maîtrise présentée par Marie-Laure Derat sous la direction de Bertrand Hirsch, Maître de conférences à l’Université de Paris I — Panthéon Sorbonne. Centre de Recherches Africaines”). P., juin 1993. C. 118–128.

и сказал ей: „Ты — жена злая, которая не поклоняется идолу Дамота Великого, который сотворил нас!“ И когда услышала она это, засмеялась: „Разве идол сотворил тебя, ты, безумный и глупый человек? Как идолы, сделанные рукою ремесленника из железа и дерева, не ведают, кто их творец, то же и с тобою, нечестивцем; как и твои идолы, ты — обиталище бесов нечистых. Я же родила тебе младенца чистого того ради, что не признаю поклонения идолам. Так отпусти же меня в мою страну вместе с сыном моим: мы уйдем от тебя, а ты живи, поклоняясь идолам, и сойдешь вместе с идолами твоими в час смерти твоей в геену огненную к диаволу, начальнику бесов, отцу лжи. А если не хочешь отсылать меня от себя к отцу моему, не поклоняйся идолам. Если же отрубишь мне мечом голову и предашь плоть мою птицам, а кости мои зверью, не убоюсь я, ибо спасет душу мою Господь мой Иисус Христос, Сотворивший меня“. И когда сказала она это, призвал он жрецов идольских и сказал им: „Господа мои! Послушайте: эта жена моя, дочь людей Шоанских, не поклоняется идолам вашим. Что вы скажете о ней: убить ли мне ее или отпустить идти к отцу ее?“ И сказали они ему: „Не подобает тебе убивать жену твою, мать сына твоего, но принесем мы идола твоего, который подает тебе победу над врагами твоими, ибо он — сила, которая заставляет поклоняться против воли насильно величием своим“. И услышав это, велел он принести идола и поставил ее перед ним и сказал ей: „О, царица, поклонись этому богу моему, чтобы сделал он тебя царицей всех женщин!“ И сказала она им: „Разве мой бог — идол, которого вам приходится нести и который сам ходить не может, хотя ноги имеет? Он имеет уста, а не говорит, глаза имеет, а не видит, уши имеет, а не слышит, ноздрями не дышит“. Сказав это, она взяла камень с земли и ударила в лицо идолу, и камень, которым она ударила, отскочил от его лица и, падая на землю, убил двух жрецов идольских. И тогда обнажил меч муж ее, чтобы убить ее, а она подставила ему шею, говоря: „Вот давай руби мою шею ради имени Бога моего!“ И когда тот приблизился, чтобы ударить ее мечом, Бог наш Иисус Христос увидел твердость сердца ее ради имени Его и послал Он ангела Своего, чтобы спасти ее в мгновение ока. Разверзлись небеса сами собою, и восхитил ее из страны Дамот и доставил в страну Зораре, страну Цага Зааба, и поместил в доме отца ее, и вознесся на небеса этот ангел Господа Бога нашего милостивого.

А тогда пребывал сын ее Елисей у отца своего, покуда не возрос, а дети жрецов идолов погибших скрежетали зубами, когда видели его, но боялись убить его, ибо Елисей был сыном царя их. И потому дали ему съесть зелье смертоносное, смешанное вместе с медом. И после того, как пошел отец наш Такла Хайманот из страны Шоа в страну Дамот, в это время уверовал Моталоми, царь Дамота, в Господа нашего Иисуса Христа по проповеди Такла Хайманота. Отец же Елисея уверовал [вместе с] Моталоми, и отец наш Такла Хайманот расспросил об истории сына его, Елисея, и поведал он ему ее от начала до конца. И тогда сказал ему отец наш Такла Хайманот: „Приведи сына твоего, болеющего от зелья, и покажи“. И тогда привели его к отцу нашему Такла Хайманоту, и сказал отец его: „Авва, ради Бога твоего милосердного исцели его от болезни его по молитве твоей“. И сказал ему отец наш: „Поместите его предо мною, чтобы увидел я болезнь“. И тогда привели его к нему и поставили пред ним. И осенил лицо его отец наш Такла Хайманот крестным знамением и сказал: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Единого Бога, изыди дух нечистый из сего младенца, сына царского!“ И тотчас возопил диавол, обитавший в Елисее, и сказал: „Увы мне, куда остается деваться мне от этого злого человека, Такла Хайманота? Когда же пришел ты ныне из страны твоей, страны матери, которая оставила его, ведь его предали мне возлюбленные мои, волхвы и колдуны, чтобы погубил я его!“ Помолился и сказал отец наш: „Господи Иисусе Христе, пошли молнию гнева Твоего на этого диавола, чтобы убить его, ибо губил он народ христианский, рабов твоих!“ И не успело замолкнуть слово молитвы отца нашего Такла Хайманота, как сошла

внезапно молния с неба и поразила этого диавола, и пал он, и открылся лик образа его черного, как обезьяны, и видели его все люди Дамота и говорили о нем: „Сколько же мерзок образ диавольский!“ А Моталами услышал про это чудо, вышел из чертога дома своего и пошел туда, где пал диавол. И увидев, удивился весьма и сказал царю Зэгна: „Это ли сын твой, сын христианки, историю родословия которой и страну поведал ты мне прежде, и как унесла ее птица явно и вознесла на небо?“ И сказал он: „Это мать сего сына моего, и нет у меня другого сына, кроме него“. Повернулся Моталоме к отцу нашему Такла Хайманоту и сказал: „Послушай нас, авва, спрошу я тебя относительно Бога твоего: "Есть ли брак на небесах между женой и мужем, как существует на земле?"“ И ответил Такла Хайманот и сказал: „Зачем ты спрашиваешь меня о браке во имя Бога моего и что замышляет и желает сердце твое?“ И сказал Моталоме: „Что до матери сына царя Зэгна, которую вознесли на небо белые птицы, то был с ними красный человек, когда возносили ее на небо“. И ответил отец наш Такла Хайманот и сказал: „Нет на небе брака, а только на земле, ибо гласит слово Евангелия, которому я учил тебя, относительно воскресения мертвых, где "не женятся, не выходят замуж, не рожают сынов и дочерей, но пребывают как ангелы Господни". И эта женщина, мать сего младенца, была вознесена не для брака, но вознесена для возвращения в страну области христианской из страны вашей, которая стала страной волхвов, которые волхвуют во вред сему сыну, чаду христианки“. И сказал Моталоме: „Знаешь ли ты эту женщину?“ И ответил отец наш Такла Хайманот и сказал: „Да, я знаю ее, ибо страна ее это страна моего отца и жены брата матери моих предков, как говорил я тебе прежде, когда ты спрашивал меня об истории страны ее и всей истории жизни ее до прибытия ее в эту страну, как это было. Послушай меня, я расскажу тебе. Этот царь Зэгна, твой родственник, повелел поклоняться идолу, а она отказалась. И тогда, как [некогда и] мать мою, исхитил ее ангел Господний на небо от царя Зэгна и доставил с миром в страну ее, к отцу моему, и пребывает она там доныне с родичами своими и матерью своей, женой брата родичей моих“...»²².

Занимательная история святых на этом не кончается, но и из приведенного видна как зависимость этого повествования из «Жития св. Фаддея» от дабралибаносской редакции «Жития св. Такла Хайманота», так и дальнейшее развитие в «умелом использовании генеалогий» в эфиопской агиографии. Если генеалогия св. Такла Хайманота, приводимая в его Житии, должна была внушить читателю мысль о том, что проповедь христианства в Эфиопии была наследственным занятием всей длинной череды эфиопских предков святого, то генеалогия св. Фаддея представляет создание дабралибаносской конгрегации прямо-таки семейным делом, где основателями большинства монастырей этой конгрегации оказываются близкие кровные родственники. Б.А. Тураев видел в «Житии св. Филиппа Дабра-Либаносского» повествование «о происхождении столь важного впоследствии сана *эччеге* и его одиннадцати наместников (*neburāna-‘ēd*), „наставников“ отдельных благочиннических округов»²³ дабралибаносской конгрегации. В «Житии св. Фаддея» мы видим дальнейшее развитие и переработку такого же повествования, но уже при помощи генеалогии этих настоятелей. В их число вошел и Елисей с новыми «биографическими» подробностями его жизни. Если в «Житии св. Филиппа Дабра-Либаносского» эти подробности относятся не столько даже к жизни, сколько к смерти Елисея, то в «Житии св. Фаддея» повествуется о раннем его детстве, причем и те и другие сведения имеют характер явных

²² *Six V. Die Vita des Abuna Tādēwos von Dabra Māryām im Tānāsee Text, Übersetzung und Kommentar* ("Verzeichnis der Orientalischen Handschriften in Deutschland. Im Einvernehmen mit der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft herausgegeben von Wolfgang Voigt. Supplementband 18"). Wiesbaden, 1975. S. 94–112.

²³ Тураев Б.А. Исследования в области агиологических источников. С. 123.

литературных заимствований: в первом случае, по всей видимости, из коптской житийной литературы, во втором — из дабралибаносской версии «Жития св. Такла Хайманота». Невольно приходишь к выводу о том, что именно эти «биографические» сведения о жизни святого оказываются наименее достоверными с исторической точки зрения.

Потому ученые с пессимизмом смотрели на перспективы изучения эфиопской агиографии как исторического источника. П.К. Коковцов (1861–1942) в своей рецензии на книгу Б.А. Тураева «Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии» рассматривал эфиопские жития как собрание «материала, интересного, собственно говоря, скорее для исследователя народной психологии и фольклора, чем историка»²⁴, а израильский исследователь эфиопских житий Стивен Каплан склонен был рассматривать их чуть ли не как произведения беллетристики, жанра, которого в средневековье не существовало и не могло существовать. В своей монографии он утверждал: «Житие обычно писал монах из того же монастыря, что и святой, и писал он свое произведение, желая прославить святого и его монастырь. Его целью не было написание истории в современном смысле этого слова, и, таким образом, те политические, общественные и исторические сведения, которые так интересны нам, были для него побочными, случайными и маловажными. Он отбирал свои источники (если отбирал их вообще) не для создания самой точной правды, а для создания произведения, отвечающего его целям. И действительно, рукописи свидетельствуют именно об этом, потому что когда имеются две редакции одного жития, то самой распространенной оказывается наиболее фантастическая и занимательная версия. Если агиограф ценил свои источники не за историзм, то и отсутствие источников не смущало его. Когда не было ни устной, ни письменной традиции, автор наполнял свое повествование эпизодами и аллюзиями из Ветхого и Нового завета, а также из знаменитых агиографических произведений, вроде „Жития св. Антония“... Однако, прежде чем выносить суровый приговор методу агиографа, мы должны вспомнить, что житийная литература, несмотря на свой святой предмет, отнюдь не занимала высокого положения литературы канонической. Пишучи свое житие, монах чувствовал себя вправе использовать и подгонять материал для своих нужд, поскольку знал, что никто не обязан верить в правдивость его повествования. Также и писец переписывал рукопись жития не так, как он переписывал библейский текст. Часто он позволял себе налагать на материал отпечаток собственной личности или перерабатывать его в соответствии с меняющимися нуждами своей общины верующих. Таким образом, писцу мы обязаны постоянным обновлением житийных текстов»²⁵.

Здесь С. Каплан превращает эфиопского писца чуть ли не в соавтора агиографа и приписывает ему такую творческую свободу, которая вряд ли существовала в действительности. Разумеется, эфиопский книжник относился к житиям не так благоговейно, как к текстам Св. Писания: садясь за переписку последних, он не только тщательно мыл руки, но даже и свой белый тюрбан перевязывал особым способом, отличным от обычного. Оттого-то и описки в рукописях библейских книг являются редчайшим исключением, чего не скажешь про рукописи житий. Однако житийное повествование воспринималось эфиопами если не как святая правда, то уж во всяком

²⁴ Коковцов П.К. [Рец. на:] Тураев Б. Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902 (Monumenta Aethiopiae hagiologica. Ed. B. Turaev. Lipsiae et Petropoli, 1902) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 17. СПб., 1906. С. 51–52.

²⁵ Kaplan S. The Monastic Holy Man and the Christianization of Early Solomonic Ethiopia. Wiesbaden, 1984. P. 4.

случае как истинная история. Разумеется, эфиопские агиографы не называли свои произведения ታሪክ, т.е. буквально «историей», потому что так обычно называлась официальная история царя, написанная его придворным историографом, но могли называть их ክፍል — «повествованием», а так назывались самые разные исторические повествования — от истории отдельных личностей (Александра Великого²⁶, Девы Марии, некоторых святых, вроде Габра Хер или Германа Эгзиз²⁷) до историй монастырей (например, Дабра Либаноса²⁸), в достоверности которых никто не сомневался. Никто не сомневался и в достоверности житий, и простой переписчик не дерзал своевольно менять их текст, хотя, конечно, переписывал его менее тщательно, нежели тексты Св. Писания.

Разумеется, создавались и новые редакции житий, как выразился С. Каплан, «в соответствии с меняющимися нуждами своей общины верующих», но происходило это отнюдь не само собой просто в ходе обычной переписки рукописей. Это делалось по прямому указанию настоятеля монастыря, который приходил к выводу, что изменившиеся обстоятельства монастырской политики, новые реалии и цели требуют создания новой истории основателя этого монастыря, этим изменениям и целям соответствующей. В результате появлялась новая редакция, иногда разительно отличавшаяся от предыдущей. Новое положение, на которое теперь претендовала обитель как внутри монастырской конгрегации, так и внутри Эфиопской Церкви, нуждалось в том, чтобы в создаваемом тексте было дано новое, убедительное и пространное обоснование этому, что заставляло авторов широко обращаться к тому элементу чудесного и «биографического», который вообще присущ житийному жанру. Это, в свою очередь, резко повышало ту «беллетристичность» повествования, которую отметил С. Каплан («когда имеются две редакции одного жития, то самой распространенной оказывается наиболее фантастическая и занимательная версия»). Беллетристичность, однако, была не целью, а средством, а самой распространенной версией жития оказывалась, естественно, самая поздняя его версия. Понятно, что подобного рода «исторические» и «биографические» подробности жизни святого оказывались сплошным разочарованием для историков, интересовавшихся тем отрезком времени, когда тот жил, и приводили их к выводу о том, что значение эфиопской житийной литературы как полноценного источника ничтожно. И это действительно так для оценки эпохи героя житийного повествования. Однако если посмотреть на житийные памятники как на источники относительно того времени, когда они были составлены, относительно места и времени появления новых редакций и тех изменений, которые они претерпели, то картина выглядит иначе. Можно смело утверждать, что эфиопские жития являются хотя и достаточно сложным для анализа, но весьма ценным историческим источником, способным многое сообщить исследователю, однако это будут сведения не столько о героях, сколько об авторах житий и времени создания. Они тем более ценны, что помогают исследователю увидеть обстановку внутри эфиопских обителей, куда историку зачастую оказывается заглянуть труднее, нежели в царский стан или на поле битвы.

²⁶ The Life and Exploits of Alexander the Great Being a Series of Ethiopic Texts. Ed. with an English translation and Notes by E.A. Wallis Budge. Vol. I-II. L., 1896.

²⁷ Zelleke K.-R. Bibliography of the Ethiopic Hagiographical Traditions // Journal of Ethiopian Studies. Addis Ababa, 1975. Vol. XIII, № 2. P. 75–76.

²⁸ Тураев Б.А. Повествование о Дабра-Либаносском монастыре // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 17. СПб., 1906. С. 345–363.

Summary

S.B. Chernetsov

Biography on the Service of Hagiography: Literary Fortunes of Elsa'e, the Second Abbot of Däbrä Asbo Monastery, in Later Däbrä Libanos Hagiographic Tradition

The first written evidence on Elsa'e (the second abbot of Däbrä Asbo monastery founded by St. Täklä Haymanot and later renamed into Däbrä Libanos) is found in the *Vita of Filpos of Däbrä Libanos*, the third abbot of this monastery, written between 1424 and 1426. The only aim of this interpolated episode of obviously literary origin is to justify the appointment as the abbot of Filpos himself. If in the *Vita of Filpos of Däbrä Libanos* the story of Elsa'e deals not so much with his life as with the circumstances of his death, then in another hagiography — the *Vita of Tadewos of Däbrä Maryam*, the abbot of another monastery which belongs to the congregation founded by St. Täklä Haymanot — we find a narration about Elsa'e's childhood. Both stories are an obvious borrowing: in the first case from Coptic hagiographic literature, in the second from the Däbrä Libanos version of the *Vita of St. Täklä Haymanot*. One cannot help realizing that precisely these "biographical" details of Elsa'e's life are the least trustworthy elements of the entire narration. This made historians believe that the significance of Ethiopian hagiographies as a historical source is negligible. Probably it is so indeed for the epoch of the characters of a hagiography itself, i.e. for the period of their lifetime. The situation may look otherwise if we consider these writings as historical source for the time of the writing of these works, of the creation of their new versions and the changes they had undergone. These data may be of considerable importance, for they may help a researcher to see the inside life of Ethiopian monasteries, at which a historian has fewer chances to glance than at a royal court or at a battle-field.